

Ролевая гипотеза и структура клаузы дагестанских языков

© 2025

Екатерина Анатольевна Лютикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; lyutikova2008@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается структура клаузы нахско-дагестанских языков в свете ролевой гипотезы А. Е. Кибрика. Согласно ролевой гипотезе, морфосинтаксическое кодирование и синтаксические свойства аргументов в этих языках следуют непосредственно из их тематических (Агенса, Пациента), а не синтаксических (подлежащее, дополнение) ролей. В продолжение дискуссии, инициированной Я. Г. Тестельцом (2021), ролевая гипотеза формулируется в терминах современного формального синтаксиса, а ее предсказания проверяются на материале хваршинского языка. Показав, что хваршинский соответствует стандартам ролевого языка, статья сосредоточивается на двух проблемных аспектах ролевой гипотезы применительно к описанию данных хваршинского языка: связи немаркированных падежей с гиперролями и анализе конструкций подъема.

Ключевые слова: аргументная структура, нахско-дагестанские языки, падеж, подъем, семантические роли, синтаксические отношения, синтаксические стратегии, формальный синтаксис, хваршинский язык, цезские языки, эргативность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV», реализуемого в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Лютикова Е. А. Ролевая гипотеза и структура клаузы дагестанских языков.

Вопросы языкознания, 2025, 6: 89–119.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.6.89-119

The Role Hypothesis and the clause structure of the Northeast Caucasian languages

Ekaterina A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; lyutikova2008@gmail.com

Abstract: In this paper, I discuss the clause structure of the Northeast Caucasian languages in light of Aleksandr Kibrik's Role Hypothesis, which posits that both morphosyntactic encoding and syntactic properties of arguments in these languages follow directly from their thematic roles (Agent, Patient) rather than grammatical relations (Subject, Object). Building upon discussions initiated by Yakov Testelet (2021), I cast the Role Hypothesis in the framework of formal syntax and test its predictions using data from Khwarshi (Tsezic). After presenting evidence that Khwarshi meets the standards of a role-based language, I focus on two problematic aspects of the Role Hypothesis in accounting for Khwarshi data: the association of unmarked cases with hyper-roles and the analysis of raising constructions.

Keywords: argument structure, case, ergativity, formal syntax, Khwarshi, Nakh-Daghestanian, semantic roles, syntactic alignment, syntactic relations, Tsezic, raising

Acknowledgements: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project No. 24-18-00199 "Clause structure and positional phenomena in SOV languages" realized at the Institute of Linguistics, RAS.

For citation: Lyutikova E. A. The Role Hypothesis and the clause structure of the Northeast Caucasian languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 6: 89–119.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.6.89-119

1. Введение

В этой статье обсуждается структура клаузы дагестанских языков в свете высказанной полвека назад в работах А. Е. Кибрика гипотезы об их ролевом характере. Ролевая гипотеза предполагает, что «...морфосинтаксические средства выражения аргументов базовых конструкций, в первую очередь падеж и актантно-предикатное согласование, ориентированы непосредственно на роли и гиперроли (агенса vs. пациенса, актора vs. претерпевающего, бенефактива, экспериенцера, абсолютива, ...), минуя промежуточный уровень грамматических отношений (членов предложения), таких, как подлежащее и дополнение» [Тестелец 2021: 68]. Отсутствие уровня членов предложения имеет очевидные последствия и для синтаксических процессов в клаузе: вместо стандартной ориентации на реляционную иерархию ожидаются альтернативные модели грамматических асимметрий, связанные с ролевым, коммуникативным или дейктическим измерением [Кибрик 2003: 120, 131–138].

Ролевая гипотеза возникла во многом как ответ на неспособность лингвистической теории охарактеризовать структуру клаузы языков, отклоняющихся от средневропейского стандарта, в частности морфологически эргативных языков. Существенные затруднения вызывало несоответствие кодирующих техник реляционной иерархии, а также неединообразная ориентация признаков грамматического приоритета. Естественным следствием явилось представление об избыточности уровня синтаксических ролей для таких языков и гипотеза об их неуниверсальности. За прошедшие годы формальный синтаксис научился преодолевать указанные затруднения и моделировать грамматические явления через более тонко настраиваемые признаковые механизмы, что позволяет успешно описывать устройство клаузы разноструктурных языков в рамках единой модели¹. Более того, и сама ролевая гипотеза может быть естественным образом имплементирована в современную формальную систему генеративного синтаксиса.

Эта статья мыслится как продолжение дискуссии о ценности ролевой гипотезы для типологии и теории языка, начатой в [Тестелец 2021]. Цель этой статьи состоит в том, чтобы сформулировать ролевую гипотезу в терминах формального синтаксиса и проверить выводимые из нее предсказания о синтаксических особенностях ролевых языков на материале одного из дагестанских языков, послуживших прототипом ролевого языка для А. Е. Кибрика. Такая постановка задачи сделает верификацию ролевой гипотезы более последовательной в силу достаточно глубоко разработанного аксиоматического аппарата и правил вывода современного генеративного синтаксиса. Добавляя ролевую гипотезу к универсальным положениям, регулирующим структуру языковых выражений, мы получим возможность сделать нетривиальные выводы о возможных и невозможных в ролевых языках синтаксических явлениях и процессах.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. После краткого исторического экскурса в разделе 2, призванного сориентировать читателя в теоретическом контексте появления ролевой гипотезы, мы перейдем к разделу 3, где обсудим формально-синтаксическую репрезентацию ролевой гипотезы и сформулируем ее предсказания в области возможного морфосинтаксического кодирования аргументной структуры и выбора оси, или пивота (от англ. *pivot*) синтаксических процессов разных типов. В разделе 4 мы обратимся к материалу хваршинского языка. Показав, что хваршинский обладает необходимыми для ролевых языков свойствами, мы подробно обсудим два вопроса, критичных для верификации ролевой гипотезы: вопрос о немаркированных падежах и их связи с гиперролями (раздел 4.1) и вопрос о возможности подъема в ролевом языке (раздел 4.2). В завершающем разделе 5 будут подведены итоги обсуждения.

¹ См., например, вывод Эдита Олдриджа: «Early approaches attempted to capture the syntactic behavior of absolute and ergative arguments by analyzing these uniformly as either subjects or objects. Later approaches are able to capitalize on technical developments in the theory that allow for a richer approach to the mix of subject and object behavior of absolute NPs, as well as a more subtle approach to the distinctions between ergative and accusative languages and also among different types of ergative language» [Aldridge 2008: 969].

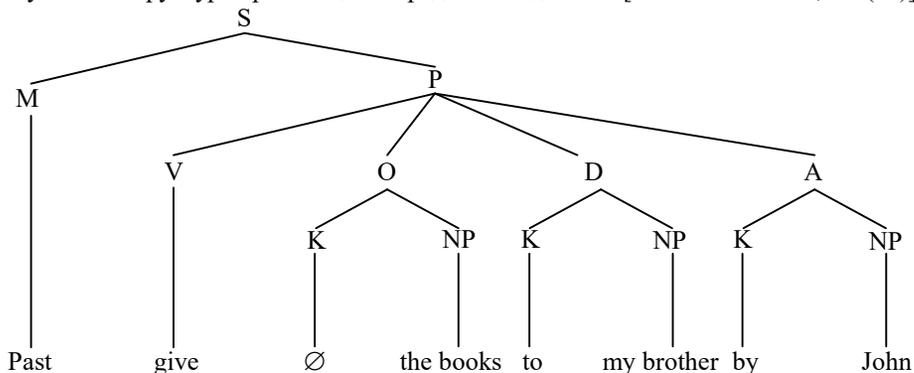
2. Исторический экскурс

На рубеже 70-х и 80-х гг. прошлого века в фокусе внимания типологически ориентированной лингвистики оказалась реляционная типология, или типология грамматических отношений (*grammatical relations*), изучающая языковое варьирование в области синтаксиса клаузы, и в первую очередь ее основы — предикатно-аргументной структуры. Интерес к реляционной типологии был обусловлен как минимум двумя обстоятельствами.

С одной стороны, именно в 1970-е гг. эмпирическая база теоретической лингвистики существенно расширяется и впервые в истории лингвистики претендует на охват всего доступного языкового разнообразия. Становится понятно, что представления о структуре предложения языков средневропейского стандарта, которые строятся на ранжировании синтаксических ролей аргументов — реляционной иерархии, не могут быть автоматически распространены на языки с иным грамматическим строем. Теоретическая лингвистика впервые ставит вопрос об универсальности синтаксических ролей, в частности об универсальности подлежащего [Li, Thompson 1976; Keenan 1976; Anderson 1976; Кибрик 1979а; Козинский 1979].

С другой стороны, сильное влияние на представления о структуре клаузы оказывает развитие трансформационной грамматики. Идеи порождающей семантики, рассматривающей синтаксический компонент языка как интерфейс между семантической репрезентацией и поверхностной структурой языкового выражения [Lakoff 1971; 1976; Postal 1972; McCawley 1973; McCawley (ed.) 1976], имеют далеко идущие последствия и для типологии. Если переводные эквиваленты разных языков имеют одно и то же значение, то различия между языками сводятся к трансформационному компоненту, работа которого может затемнять единство семантической глубинной структуры. Применительно к предикатно-аргументной структуре трансформационный подход в духе порождающей семантики разрабатывается в работах Ч. Филлмора [Fillmore 1968; 1970; 1977], предлагающего понятие «глубинного падежа» (*deep case*; впоследствии утвердилось название «тематическая роль / тета-роль» — *thematic / theta role*) как способа репрезентации типового семантического отношения аргумента к предикату (см. анализ идей Ч. Филлмора в [Рахилина, Тестелец 2016]). Глубинной структурой пропозиционального компонента простой клаузы является комбинация глагольного предиката и набора аргументов, размеченных при помощи аппарата глубинных падежей / тета-ролей. Трансформации, создавая из глубинной структуры поверхностное синтаксическое представление, могут по-разному отображать тета-роли в синтаксические позиции (например, сопоставлять участникам с разными тета-ролями одинаковые синтаксические роли, ср. глубинную структуру (1а) и поверхностные репрезентации (1b–e)), что приводит к несоответствию между исходной ролевой характеристикой участников и их синтаксическими свойствами.

(1) а. глубинная структура пропозиции с предикатом давания [Fillmore 1968: 35, ex. (59)]

- b. A → подлежащее, O → прямое дополнение
John gave the books to my brother.
- c. A → подлежащее, D → прямое дополнение (dative shift)
John gave my brother the books.
- d. O → подлежащее (пассивизация)
The books were given to my brother by John.
- e. D → подлежащее (dative shift + пассивизация)
My brother was given the books by John.

Естественным следствием такого подхода является предположение, что правила трансформационного компонента, создающие такие синтаксические статусы, как подлежащее или прямое дополнение, в каких-то языках могут отсутствовать, так что способы кодирования аргументов (поверхностные падежи, предлоги/послелogi) и их синтаксические характеристики (контролирующие и трансформационные признаки) определяются исключительно в терминах тета-ролей. Поиск таких языков велся в первую очередь среди языков с кодировкой ядерных аргументов, отличной от той, что задается реляционной иерархией: активной, явно противопоставляющей агенса и пациенса независимо от переходности клаузы, а также эргативной (объединяющей в единый класс маркирования единственный аргумент одноместного глагола и пациенс переходного глагола) и контрастивной (противопоставляющей единственный аргумент одноместного глагола аргументам переходного глагола), использующими расщепленное кодирование для аргумента, соответствующего подлежащему европейских языков.

Хотя возможность существования языков, для которых нерелевантны реляционные понятия, допускали многие исследователи (ср., например, [Fillmore 1968: 3; Li, Thompson 1976: 460; Schachter 1976: 493]), представление о ролевой структуре как альтернативе синтаксической формируется в рамках двух функционально-типологических направлений: референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина и У. Фоли [Foley, Van Valin 1977; Van Valin 1977; 1981; 1993a; 1993b; Van Valin, Foley 1980; 1984] и реляционной типологии А. Е. Кибрика [Кибрик 1979a; 1980в; 2003; Kibrik 1997]. Основные положения двух моделей, их сходства и различия кратко, но емко освещаются в работе Я. Г. Тестельца [2021]. Для наших целей важно предположение об ориентации как кодирующих техник, так и признаков грамматического приоритета на ролевое измерение и его концепты. Соответственно, для морфосинтаксического кодирования ожидается соответствие между определенной тета-ролью (гиперролью, макроролью) аргумента и определенным способом его маркирования (падеж/адлог, индексирование в глаголе). Признаки грамматического приоритета (функциональные признаки подлежащего) в отсутствие уровня грамматических отношений могут опираться либо на ролевое измерение (тета-роли и гиперроли, иерархии ролей), либо на альтернативные системы статусов именных групп (например, коммуникативную или дейктическую). Соответственно, ожидается либо их ориентация на гиперроль Принципал/Актор, в соответствии с ролевой иерархией (синтаксическая аккузативность/активность), либо отсутствие ролевой ориентации (синтаксическая нейтральность). Источником синтаксической эргативности может выступать, например, падежная дискриминация: если только именные группы в немаркированных падежах доступны для некоторого грамматического правила, то при эргативной морфологии синтаксически нейтральная стратегия будет выглядеть как эргативная.

Итак, ролевая гипотеза мыслится как альтернатива попыткам сохранить реляционные понятия в анализе синтаксиса морфологически эргативных, активных и контрастивных языков — за счет альтернативных способов идентификации синтаксических ролей [Dixon 1979; 1994; Comrie 1982; Manning 1996] или за счет исключения морфосинтаксических техник из числа необходимых признаков синтаксической роли [Anderson 1976; Legate 2008].

В «Грамматике арчинского языка» [Опыт 1977] и в последовавшей за ней серии публикаций «Материалов к типологии эргативности» [Кибрик 1979б–г; 1980а–б; 1981а–б] А. Е. Кибрик эмпирически обосновывает отнесение дагестанских языков к ролевым, показывая, что реляционные понятия для них нерелевантны, а кодирующие техники и ограничения на синтаксические процессы могут быть сформулированы в терминах ролевого измерения. Действительно, во всех исследованных языках немаркированный падеж (абсолютив) и предикативное согласование ориентированы на приоритетную семантическую гиперроль Абсолютива, а падежное маркирование прочих аргументов отражает их семантические роли и не может быть изменено без изменения семантической роли участника. Поскольку ролевые характеристики аргументов предопределяют их морфосинтаксическое кодирование, несоответствия между семантическими и синтаксическими актантами (такие как залоговые преобразования или расщепления валентностей) отсутствуют: для каждого аргумента есть единственный способ его оформления и наоборот, для каждой морфосинтаксической техники доступен только определенный тип аргументов. Таким образом, ролевое измерение оказывается достаточным для моделирования как появления аргументов в синтаксической структуре, так и их оформления [Кибрик 1983; 2000]. В следующем разделе эти эмпирические обобщения будут формализованы в генеративной синтаксической модели клаузы².

3. Специфика ролевых языков в формальном синтаксисе

Современный генеративный синтаксис рассматривает клаузу как расширенную проекцию глагола, так что группа лексического глагола VP вложена в совокупность функциональных проекций, определяющих значения предикативных (в широком смысле) категорий. Число и конкретный набор функциональных проекций могут существенно варьировать в зависимости от конкретной теории и от целей исследования; тем не менее, некоторая достаточно детальная структура, по-видимому, принимается всеми исследователями.

Клаузальные проекции можно разделить на три основных зоны: зона аргументной структуры и ее модификаций, зона финитности и зона типирования клауз. Зона аргументной структуры, часто называемая также глагольной областью, включает группу лексического глагола, проецирующего внутренние аргументы, группу легкого глагола, вводящего внешний аргумент, а также другие вводящие аргументы функциональные вершины, например аппликативную вершину AppI или каузативную вершину Caus³. Согласно ги-

² Синтаксический анализ структуры клаузы традиционно основывается на обсуждении простой клаузы с глагольным сказуемым. Глагольная синтагма состоит из вершины-глагола и его аргументов, которые вводятся в структуру клаузы («проецируются») как синтаксически зависимые глагола, заполняющие его семантические валентности. Семантические валентности связаны с определенными тета-ролями; соответственно, при заполнении аргументной позиции именная группа получает тета-роль. В языках средневропейского стандарта имеются регулярные соответствия между характеристиками клаузы (переходность, финитность) и возможностью синтаксически выразить все именные аргументы глагола, например: в русских актанных инфинитивных клаузах аргумент, соответствующий подлежащему, подразумевается, но не может быть фонологически выражен. Такого рода факты стали основой представления о дополнительных (помимо тета-маркирования) требованиях к синтаксической структуре со стороны именных групп: она должна «лицензировать» (то есть обеспечить возможность фонологического выражения) все спроецированные именные группы.

³ Кроме того, в определенных случаях полезно различать вершину, вводящую каузирующее (под)событие (v, Caus), и вершину, вводящую внешний аргумент (Voice) [Harley 2013; Wurmbrand, Shimamura 2017]. Далее в этой статье для простоты вершина Voice не выделяется, а ее функции делегируются легкому глаголу.

потезе об универсальном соответствии тета-ролей структурным позициям (УТАН, [Baker 1997]), все аргументные позиции — спецификаторы функциональных вершин, спецификатор и комплемент лексической вершины V — ассоциированы с определенными тета-ролями. Лексический глагол проецирует спецификатор — Тему (расширенный Пациенс) и комплемент — Цель/Место. Функциональные вершины проецируют спецификатор с тета-ролью, соответствующей их типу: легкий глагол вводит внешний аргумент с ролью Агенса/Экспериментера, аппликативная вершина проецирует Адресат (структурно приоритетную, «высокую» Цель). Отметим, что УТАН структурно задает иерархию тета-ролей, поскольку устанавливает однозначные отношения с-командования между аргументами с определенными ролями.

Зона финитности включает как минимум предикативную вершину T, отвечающую за выражение категории времени и модальности. Кроме того, к этой зоне можно отнести ряд других вершин, отвечающих за модус, например полярность (отрицание). Наконец, зона типирования клауз включает проекцию комплементаризера и является целью передвижения клаузальных операторов (например, вопросительных и относительных групп) в языках, использующих в соответствующих конструкциях A'-передвижение.

Реляционные категории языков средневропейского стандарта (подлежащее, прямое дополнение) в этой системе представляются как такие именные группы, которые лицензируются финитной предикативной вершиной T (подлежащее) и переходным легким глаголом *v* (прямое дополнение). Сцеплено с таким лицензированием (и часто рассматривается как его формальное выражение) падежное маркирование подлежащего и прямого дополнения структурными падежами номинативом и аккузативом, предикативное субъектное и объектное согласование глагола и передвижение соответствующей именной группы в структурную окрестность лицензирующей вершины (подлежащего в Spes, TP и прямого дополнения на левую периферию *vP* в языках со сдвигом объекта). Производная приоритетная структурная позиция подлежащих и прямых дополнений служит источником многих контролирующих признаков, таких как контроль рефлексивов и реципроков, контроль PRO и т. п.

Следует подчеркнуть, однако, что ни один из признаков, сопровождающих лицензирование, не является обязательным: так, «quirky» подлежащие и прямые дополнения в исландском языке могут иметь морфологический падеж, отличный от того, который по умолчанию оформляет соответствующую синтаксическую роль [Zaenen et al. 1985], ср. исландские прямое дополнение в (2a) и подлежащее в (2b); предикативное согласование может быть ограничено именными группами в морфологическом немаркированном падеже [Bobaljik 2008; Pesetsky, Torrego 2011], ср. согласование с номинативным подлежащим в (3a) и отсутствие согласования с дативным подлежащим в (3b) в исландском языке; наконец, передвижение именных групп не обязательно сопровождает лицензирование, ср. подлежащее в собственной структурной позиции в (4a) и в тематической позиции в (4b) в английском языке.

- (2) a. *Ég hjálpaði honum.*
я.NOM помогать.PST.1SG он.DAT
'Я ему помог' [Zaenen et al. 1985: 98, ex. (8a)].
- b. *Þeim var hjálpað.*
они.DAT AUX.3SG помогать.PP.DFT
'Им помогли' [Ibid.: 96, ex. (1)].
- (3) a. *Það voru lesnar fjórar bækur.*
EXPL AUX.3PL читать.PP.F.PL четыре.NOM.PL книга.NOM.PL
'Были прочитаны четыре книги'.
- b. *Það var skilað fjórum bókum.*
EXPL AUX.3SG возвращать.PP.DFT четыре.DAT.PL книга.DAT.PL
'Было возвращено четыре книги' [Sigurðsson 1996: 11, ex. (31)].

- (4) a. *Further complications seem to have arisen.*
 ‘По-видимому, возникли дальнейшие осложнения’.
 b. *There seem to have arisen further complications.*
 ‘По-видимому, возникли дальнейшие осложнения’.

Итак, для структуры клаузы языков средневропейского стандарта критически важным оказывается понятие лицензирования: именно с ним в конечном итоге наиболее тесно связаны реляционные понятия подлежащего и прямого дополнения. Следует особо подчеркнуть, что лицензирование именных групп подлежащего и прямого дополнения принципиально разведено с их проецированием и получением ими тета-роли. Прямое дополнение возникает как внутренний аргумент лексического глагола V, который приписывает ему тета-роль, но лицензируется другой вершиной — переходным легким глаголом. Подлежащее может соответствовать как внешнему аргументу (в переходных и неэргативных клаузах), так и внутреннему аргументу (в неаккузативных и пассивных клаузах) и получает тета-роль внутри глагольной области, но лицензируется расположенной выше в структуре клаузы финитной вершиной T. Таким образом, позиции подлежащего и прямого дополнения являются выделенными в том отношении, что они предназначены для лицензирования именных групп, вступивших в деривацию и получивших тета-роль ранее.

Именно с этим связаны многие трансформационные и контролирующие признаки грамматического приоритета подлежащих и прямых дополнений. С одной стороны, поскольку за проецирование соответствующего аргумента и его лицензирование отвечают разные вершины, возможна ситуация, когда аргумент появился в деривации, но стандартный лицензор отсутствует, например: деривируется пассивная клауза (легкий глагол непереходный) и/или нефинитная клауза (предикативная вершина нефинитная или отсутствует). В таком случае вместо выраженной именной группы может появляться нулевая проформа, не нуждающаяся в лицензировании (трансформационный признак замены на нулевую единицу в нефинитной клаузе, см. (5)). С другой стороны, функциональная структура клаузы может оказаться неостребованной для лицензирования именных аргументов этой клаузы (например, при их отсутствии или если они представлены группами других категорий). В таком случае в соответствующих позициях могут выступать пустые лексемы (эксплетивы), ср. *It is raining* ‘Идет дождь’; *It seems that John is a liar* ‘Кажется, что Джон лжец’. Кроме того, функциональные вершины главной клаузы могут быть использованы для лицензирования имеющих такую потребность аргументов зависимой клаузы, если сама зависимая клауза необходимой функциональной структурой не располагает. Это случаи подъема в позицию подлежащего или прямого дополнения при предикатах подъема (контролирующий признак целевой позиции продвижения при подъеме; трансформационный признак мишени продвижения при подъеме, см. (6)). Наконец, за лицензирование аргумента может отвечать и неклаузальная функциональная структура, например посессивная вершина в именной функциональной оболочке номинализации (трансформационный признак трансформируемости в генитив при номинализации, см. (7)).

- (5) *It's nice* [_{CP} [_{TP} PRO_i to be [_{VP} V_{PASS} [_{VP} t_i needed]]]].
 ‘Приятно, когда в тебе нуждаются’.
- (6) a. (transitive) subject-to-object raising
Mary T [_{VP} V_{TR} [_{VP} believes [_{TP} him_i to T [_{VP} t_i V_{TR} [_{VP} know everything]]]]].
 ‘Мэри считает, что он всё знает’.
- b. (passive) subject-to-object raising
Mary T [_{VP} V_{TR} [_{VP} believes [_{TP} him_i to T be [_{VP} V_{PASS} [_{VP} known t_i]] by everyone]]].
 ‘Мэри считает, что его все знают’.
- c. (transitive) subject-to-subject raising
He_i is_T [_{VP} V_{PASS} [_{VP} believed [_{TP} t_i to T [_{VP} t_i V_{TR} [_{VP} know everything]]]]].
 ‘Считается, что он всё знает’.

d. (passive) subject-to-subject raising
 He_i is_T [_{VP} v_{PASS} [_{VP} believed [_{TP} t_i to_T be [_{VP} v_{PASS} [_{VP} known t_i]]] by everyone]]].
 ‘Считается, что его все знают’.

- (7) a. *Sam*_i’s_D [_{VP} t_i v_{TR} [_{VP} *accusing John of treason*]]
 ‘Сэмово обвинение Джона в предательстве’
 b. *John*_i’s_D [_{AUXP} *being* [_{VP} v_{PASS} [_{VP} *accused t_i of treason*]]]
 ‘обвинение Джона в предательстве’

Итак, реляционная структура клаузы языков средневропейского стандарта задается двумя синтаксическими системами: проецированием аргументной структуры в пределах глагольной области (уровень тематической структуры) и лицензированием именных аргументов соответствующими функциональными категориями (уровень грамматических отношений / синтаксических ролей). Следует отметить, что иерархические отношения уровня тематической структуры (Агенса с-командует Пациенсом) по умолчанию воспроизводятся на уровне грамматических отношений (подлежащее с-командует прямым дополнением), а типовые кодирующие средства — структурный падеж, согласование и линейная позиция — ассоциированы с реляционным статусом аргументной именной группы.

Обратимся теперь к моделированию ролевых языков в этой системе. Специфика ролевого языка предполагает следующие характеристики модели: (i) уровень грамматических отношений отсутствует; (ii) лицензирование аргументов происходит при их проецировании и получении тета-роли, в базовой позиции; (iii) использование кодирующих техник — падежного маркирования, согласования и порядка слов — напрямую отражает ролевые характеристики аргументов.

Очевидно, что проецирование аргументов и приписывание им тета-ролей могут быть реализованы рассмотренным выше способом, при помощи универсальных правил соответствия тета-ролей структурным позициям. Выводимая из структурных позиций аргументов ролевая иерархия будет выглядеть следующим образом:

- (8) Агенса / Экспертиенца > Адресата / «высокая» Цель > Пациенс > Цель, Место

При сохранении тезиса о необходимости лицензирования именных аргументов для ролевых языков следует предложить соответствующий механизм. Отсутствие уровня грамматических отношений предполагает, что для лицензирования аргументов не требуется никакой дополнительной грамматической структуры (например, финитности клаузы). Следовательно, именные аргументы лицензируются в своих базовых позициях при получении тета-роли. Можно предложить как минимум два механизма такого лицензирования. Во-первых, можно уподобить лицензирование именных аргументов ролевых языков именованным группам в ингерентных падежах в падежной классификации Э. Вулфорда [Woolford 2006]: в таком случае за лицензирование именованного аргумента будет отвечать та глагольная вершина, которая приписывает ей тета-роль. Падежное маркирование в таком случае будет отражать данный процесс. Примером такого аргумента может служить лицензируемая аппликативной вершиной бенефактивная именная группа *Maïse* в (9a). Во-вторых, можно уподобить лицензирование именных аргументов ролевых языков лицензированию неименных аргументов, таких как РР или СР [Markman, Grashchenkov 2012]. Если предположить, что именные аргументы ролевых языков на самом деле представляют собой РР с семантически пустым Р, то именные комплементы таких адлогов будут получать тета-роль от глагольной категории, проецирующей РР, а лицензироваться этим Р. Аналогичный процесс можно наблюдать и в языках средневропейского стандарта: например, в (9b) аргумент *Mary* ‘Мэри’ тематически связан с глаголом и получает от него тета-роль Цели, но лицензируется при этом десемантизированным предлогом *to*.

- (9) a. *Vanya* *supported Maïse* *the door*.
 b. *John* *gave flowers to Mary*.
 ‘Джон подарил цветы Мэри’.

В действительности по меньшей мере для некоторых ролевых языков наилучшие предсказания делает комбинация обоих механизмов: так, для хваршинского языка в [Lyutikova 2022] предлагается анализ, в соответствии с которым эргативные и дативные подлежащие лицензируются как DP и лицензором выступает проецирующий их легкий глагол, приписывающий тета-роли Агенса или Экспериментера, а посессивные подлежащие и косвеннопадежные дополнения представляют из себя PP, где оболочка послеложной группы обеспечивает синтаксическое лицензирование именного комплемента, а глагольная вершина приписывает тета-роль.

Важно подчеркнуть, что для лицензирования аргументов достаточно той структуры, которая их проецирует. Руководствуясь принципом экономии, можно сделать вывод, что в ролевом языке отсутствуют структурные позиции, предназначенные для лицензирования аргументов, но лишённые тета-роли. В той мере, в какой наличие такой структурной позиции необходимо для залоговых преобразований и подъема, ролевые языки должны быть лишены этих процессов.

Падежное маркирование аргументов происходит непосредственно при заполнении ими аргументной позиции. Соответственно, выбор падежной граммемы может опираться только на ролевые характеристики аргумента. В принципе, ролевая гипотеза не требует, чтобы между тета-ролями и падежными граммемами устанавливалось одно-однозначное соответствие: вполне допустимо, чтобы две разные тета-роли маркировались одним падежом; например, датив может использоваться для экспериментального подлежащего и адресата. Если объединение ролей в единый класс маркирования не случайно, можно говорить о более крупных единицах ролевого измерения — гиперролях или макроролях. Например, в референциально-ролевой грамматике терминальные тета-роли объединяются в практически не пересекающиеся между собой макророли Актора и Претерпевающего, и именно макророли определяют маркирование именной группы [Van Valin 1993a: 69]. В реляционной типологии А. Е. Кибрика используется понятие гиперроли, основывающейся на одной из основных тета-ролей (Агенса, Пациенса) и объединяющей тета-роли конкретных клауз, наиболее близкие к прототипу [Кибрик 2003: 116–119].

Контроль предикативного согласования в ролевом языке зависит от нескольких параметров. Во-первых, важна структурная позиция локуса предикативного согласования. Если она располагается выше внутренних аргументов, но ниже внешних (например, ассоциирована с легким глаголом), то ожидается эргативная (или пассивная) стратегия (согласование с Пациентом). Если локус предикативного согласования с-командует всеми аргументами глагола (например, ассоциирован с предикативной вершиной T), ожидается аккузативная стратегия (согласование с самым высоким аргументом в структуре и, следовательно, в ролевой иерархии, ср. (8)). Во-вторых, возможны падежные ограничения на контролер согласования («падежная дискриминация»), например: только именные группы в морфологически немаркированных падежах могут контролировать предикативное согласование. В таком случае, например, в морфологически эргативном языке возможна эргативная стратегия согласования (с Абсолютивом) при «высоком» локусе предикативного согласования.

Базовый порядок слов в ролевом языке может быть предсказан исходя из расположения аргументов в аргументных позициях и направления ветвления вершин глагольной области. Разумеется, на порядок слов могут влиять дополнительные факторы, например коммуникативные.

Наконец, признаки грамматического приоритета в ролевом языке должны ориентироваться на ролевую иерархию (признаки, ориентированные на с-командование, например, связывание анафоров) или быть нейтральными (например, способность выступать мишенью релятивизации). Можно предположить также влияние падежного оформления именного аргумента на определенные признаки. Так, если аргумент лицензируется как PP с нулевым P, можно ожидать, что он не сможет участвовать в таких операциях, как последующее передвижение [Polinsky 2016: 35] или заменяться на нулевую проформу [Lyutikova 2022].

Итак, ролевая гипотеза может быть достаточно прозрачным образом имплементирована в формальную синтаксическую модель клаузы. Из статуса ролевого языка в этой модели следуют нетривиальные предсказания о возможных морфосинтаксических стратегиях оформления аргументов, согласования, порядка слов и устройства синтаксических процессов. В следующих разделах мы обратимся к материалу хваршинского — одного из дагестанских языков, которые А. Е. Кибрик классифицировал как последовательно ролевые, — и проверим эмпирическую адекватность предсказаний ролевой гипотезы.

4. Хваршинский язык в прокрустовом ложе ролевой гипотезы

Хваршинский язык⁴, представитель западной ветви цезских языков (< аваро-андоцезские < нахско-дагестанские) вполне соответствует стандарту ролевого языка. Хваршинский язык обладает последовательным эргативным морфосинтаксисом: немаркированный падеж (абсолютив) и предикативное согласование ориентированы на гиперроль Абсолютива. Абсолютив присутствует (хотя не всегда выражен и может соответствовать клаузальному аргументу) в любой клаузе. При одноместном глаголе это его единственный ядерный аргумент (независимо от его тета-роли — Пациенс, Агенс или Экспериенцер (10)); при переходном глаголе это нижний ядерный аргумент (Пациенс, Стимул (11)).

- (10) a. одноместный пациентивный глагол
išu j-išša.
 мать(II)[ABS] II-умирать.AOR
 ‘Мать умерла’.
- b. одноместный агентивный глагол
išu j-ajda.
 мать(II)[ABS] II-работать.AOR
 ‘Мать поработала’.
- c. одноместный эмотивный глагол
išu j-oxxidi.
 мать(II)[ABS] II-радоваться.AOR
 ‘Мать обрадовалась’.
- (11) a. переходный агентивный глагол
obu-t'i vini j-ejza.
 отец-OBL-ERG жена(II)[ABS] II-брат.AOR
 ‘Отец женился (букв. «жену взял»)’.
- b. переходный перцептивный глагол
obu-t'e-l vini j-ajka.
 отец-OBL-DAT жена(II)[ABS] II-видеть.AOR
 ‘Отец увидел жену’.
- c. переходный эмотивный глагол
obu-t'e-l kad q'uča-na j-ejča.
 отец-OBL-DAT дочь(II)[ABS] любить-CVB.PFV II-AUX.AOR
 ‘Отец любил дочь’.

⁴ Хваршинский язык имеет несколько диалектов [Khalilova 2009; Testelefs, Khalilova (to appear)]; в этой статье представлены данные хонохского (собственно хваршинского) говора хваршинского языка, на котором говорят в с. Хонох и с. Хварши Цумадинского района Республики Дагестан. Примеры с указанием названия текста и номера предложения заимствованы из сборника [Каримова 2014] или из неизданной коллекции текстов, собранных Я. Г. Тестельцом в Хонохе в 2018 и 2019 гг. Прочие примеры получены в ходе моей собственной полевой работы в 2019 и 2022 гг.

Прочие падежи ядерных участников отражают их тета-роли: эргатив соответствует (переходному) Агенсу (11a), датив — (переходному) Экспериментеру (11b–c) и «высокой» Цели при глаголах давания (12), посессив — субъекту модального предиката (13a), предикативному отчуждаемому посессору (13b) и ненамеренному Агенсу (13c).

- (12) битранзитивный глагол давания

iša-t'-i kand-e-l kunta tižla.
 мать-OBL-ERG дочь-OBL-DAT платье(IV)[ABS] давать.AOR
 'Мать дала дочери платье'.

- (13) a. модальный предикат

iša-t'-go žu ūq'a-χ-a eqqa.
 мать-OBL-POSS этот(I)[ABS] I.выздоровливать-CAUS-INF I.удаваться.AOR
 'Мать смогла его вылечить'.

- b. предикативная посессивная конструкция

rasul-go os liχ^wa-ha b-ejča.
 Расул-POSS деньги(III)[ABS] оставаться-CVB.IPFV III-AUX.AOR
 'У Расула остались деньги'.

- c. предикат с суффиксом потенциалиса

pat'imat-go vī j-uč'-ejl-a.
 Патимат-POSS молоко(V)[ABS] V-лить-POT-AOR
 'Патимат (случайно) пролила молоко'.

Иерархические отношения между аргументами, выявляемые на основании диагностик структурного приоритета (например, связывания простого рефлексива *žuč* [Тестелец 2019]), соответствуют иерархии в (8) (см. подробнее [Lyutikova 2022]). Следовательно, если в хваршинском языке связывание диагностирует с-командование, то расположение аргументов в глагольной области соответствует УТАН.

Признаки грамматического приоритета в основном ориентированы нейтрально, то есть не проводят различий между ядерными аргументами. Среди нейтрально ориентированных признаков можно назвать способность аргумента выступать мишенью таких процессов, как «pro-drop» (опущение определено-личного или неопределенно-личного аргумента), релятивизация, фокусирование, замена на вопросительную проформу, подъем квантора, а также подъем аргумента (см. подробнее раздел 4.2). Ориентацию на гиперроль Абсолютива, наряду с падежным маркированием, обнаруживает предикативное согласование (лексический глагол, вспомогательный глагол, наречие). На гиперроль Принципала ориентированы связывание, императивы, замена на контролируемое PRO.

Альтернативное маркирование ядерных аргументов при некотором глаголе возможно только при изменении значения глагола. Так, например, альтернатива в (14a–b) отражает изменение тета-роли внешнего аргумента с Агенса на ненамеренный Агенс [Testelecs 2022]. Расщепления семантических валентностей, по-видимому, не происходит: в конструкциях с посессором выражается внутренний посессор, он не поднимается и не экстрапонируется (15).

- (14) a. *iša-t'-i obu-t'e-s lola luq'ida-na.*
 мать-OBL-ERG отец-OBL-GEN1 нога(IV)[ABS] ранить-CVB.PFV

'Мать (намеренно) поранила ногу отца'.

- b. *iša-t'-go obu-t'e-s lola luq'ida-na.*
 мать-OBL-POSS отец-OBL-GEN1 нога(IV)[ABS] ранить-CVB.PFV

'Мать (случайно) поранила ногу отца'.

- (15) a. *ek'el-na hāda juq'uč'i-lo ĭdu-l...*

I.падать-CVB.PFV один.OBL старуха-GEN2 дом.IN-LAT

'Упал (он) в дом к одной старухе...' (Медвежье ухо, 9).

- b. *il-lo begawul-e-s mihi gole!*
 мы-GEN2 старшина-OBL-GEN1 хвост(IV)[ABS] COP.PRS
 ‘У нашего старшины есть хвост!’ (У стен есть уши, 29; цит. по [Каримова 2014: 175]).

Наконец, еще одно важное свойство хваршинского языка как ролевого состоит в том, что лицензирование аргументов, их падежное маркирование и предикативное согласование происходит непосредственно при заполнении аргументной позиции. В пользу этого утверждения говорят следующие факты. Во-первых, в нефинитных клаузах разных типов (номинализация, инфинитивная, причастная, конвербная клауза) доступны к выражению все аргументы, лицензируемые в финитной клаузе (16а). Во-вторых, даже если в определенной конструкции один из аргументов представлен пустой категорией — нулевым PRO (16b) или следом (16с), падежное маркирование этого аргумента и его способность контролировать предикативное согласование не меняются.

- (16) а. инфинитивная клауза, выражены все аргументы, лицензируются все падежи
di-l q'uča-na [mi dija l-iho:-χ-χa]
 я.OBL-DAT хотеть-CVB.PFV ты.ERG я.GEN1 IV-гибнуть-CAUS-PTCP
hiban l-ec'id-a!
 вещь(IV)[ABS] IV-восполнить-INF
 ‘Я хочу, чтобы ты компенсировал мое погубленное добро!’ (Сказка о половине курицы, 19; цит. по [Каримова 2014: 180]).
- б. инфинитивная клауза, нулевое PRO в конфигурации контроля, интенсификатор демонстрирует падеж PRO
obu-t'e-l_i [_i isi-č hobodu uža c'en-a]
 отец-OBL-DAT _ERG сам.I.ERG-INTS этот мальчик(I)[ABS] охранять-INF
q'uča-na gole.
 хотеть-CVB.PFV COP.PRS
 ‘Отец хочет сам охранять этого мальчика’.
- с. абсолютив номинализации получает применное кодирование, доступно предикативное согласование с абсолютивом
beq-a-lo_i [_i b-orλ'ida]-nu-qo-žu]
 солнце(III)-OBL-GEN2 _ABS(III) III-жечь-NML-POSS-ABL
idu avuda-l-el c'oχχa.
 этот(I)[ABS] пот-CONT-LAT изобилывать.AOR
 ‘От того, что солнце пекло, он вспотел’.

Таким образом, никаких свидетельств существования уровня грамматических отношений, связанного с лицензированием аргументов или их морфосинтаксическим кодированием, в хваршинском языке не обнаруживается. В следующих разделах мы сосредоточимся на двух проблемных точках ролевой гипотезы применительно к описанию данных хваршинского языка — идентификации гиперролей и конструкциях подъема.

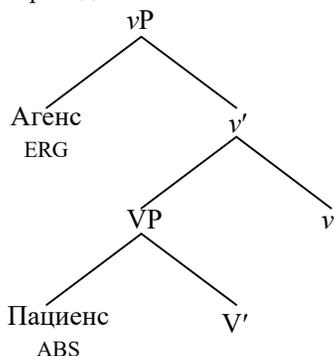
4.1. Гиперроли как проблема ролевой гипотезы

Успешность ролевой гипотезы в описании морфосинтаксиса дагестанских языков во многом базируется на возможности идентифицировать гиперроль Абсолютива — «наиболее непосредственного, ближайшего участника события, наиболее затрагиваемого им и вовлеченного в него» [Кибрик 2003: 118]. В отличие от макророль Актора и Претерпевающего в референциально-ролевой грамматике, Абсолютив и Принципал являются не обобщением над списком тета-ролей, а обобщением над тета-ролями конкретных

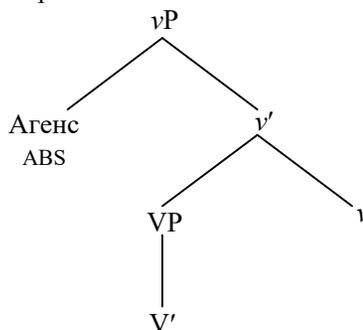
предикатов. А. Е. Кибрик поясняет идентификацию Абсолютива следующим образом: «... гиперроль Абсолютива является **относительным** понятием, основанным на гиперроли Претерпевающего. Если в событии два участника, то пациенсоподобный участник, в отличие от агенсоподобного, является наиболее непосредственным, ближайшим участником события, наиболее затрагиваемым им и вовлеченным в него. Если же в событии только один участник, то он по умолчанию является наиболее непосредственным, ближайшим участником события, независимо от его ролевой характеристики» [Кибрик 2003: 119].

Относительный характер гиперроли Абсолютива приводит к тому, что такие тетароли как Агенса и Экспериментер получают различную кодировку при переходных и одноместных глаголах. Если необходимо, чтобы падежное маркирование аргументов отражало их ролевые характеристики, то такое маркирование не может быть реализовано в системе с универсальными правилами соответствия тета-ролей структурным позициям (УТАН). Действительно, если Агенса всегда располагается в позиции спецификатора легкого глагола, то именная группа в этой позиции должна получать эргатив при переходном глаголе и абсолютив при неэргативе (17)⁵.

(17) а. переходный глагол

б. неэргатив

Номинативно-аккузативная схема кодирования ядерных аргументов в языках средне-европейского стандарта хорошо моделируется в относительных терминах, поскольку, во-первых, приоритетный статус подлежащего и соответствующее кодирование связаны со структурой, расположенной вне глагольной области, и во-вторых, на статус подлежащего и соответствующее кодирование претендует самый высокий в ролевой иерархии (и, следовательно, в структуре глагольной области) аргумент. В ролевых языках статус Абсолютива должен быть связан со структурой, уже имеющейся в глагольной области (например, лексическим глаголом V, который мог бы приписывать абсолютив ближайшему асимметрично s-командующему им аргументу⁶). Более того, абсолютивно-эргативная схема не является зеркальной копией номинативно-аккузативной, поскольку аргумент, маркируемый абсолютивом, не является самым низким в ролевой иерархии и в структуре глагольной области (Цель и Место, отображаемые в позицию компонента лексического глагола, находятся ниже Пациенса, однако никогда не конкурируют с ним

⁵ Дополнительно стоит отметить, что во многих дагестанских языках оппозиция неаккузативов и неэргативов практически не находит отражения в структурных диагностиках. Возможные контрасты включают семантически обусловленную сочетаемость (например, с агентивно ориентированными обстоятельствами) и акциональные характеристики предиката (неаккузативы тяготеют к предельности, неэргативы — к неопределенности).

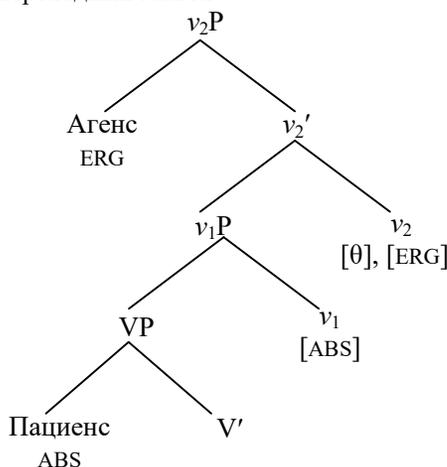
⁶ Для реализации этой идеи потребовались бы технические изменения в обобщенной модели синтаксического взаимодействия — операции Agree [Chomsky 2000]; впрочем, необходимость подобных изменений активно обсуждается все последние годы.

за абсолютное маркирование). Соответственно, невозможно ни сопоставить каждой структурной позиции обусловленное тета-ролью кодирование, ни использовать иерархические структурные отношения между аргументами для формирования относительной гиперроли Абсолютива.

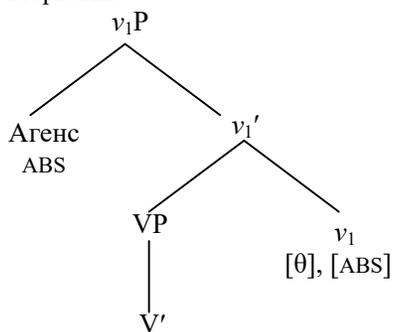
Таким образом, относительные гиперроли крайне неудобны для моделирования в рамках формального синтаксиса ролевого языка. Однако отказаться от относительного определения гиперролей как основы для эргативного морфосинтаксиса дагестанских языков невозможно. С одной стороны, не существует такой тета-роли (и соответствующей ей структурной позиции), которая была бы обязательной для любого глагола. С другой стороны, аргументная структура любого глагола содержит как минимум абсолютный аргумент. Следовательно, абсолютное кодирование невозможно связать ни с какой из структурных позиций глагольной области и ни с какой из тета-ролей при помощи правил прямого отображения. Чтобы определить, будет ли аргумент получать абсолютное кодирование, в общем случае необходимо знать, какие еще аргументы имеются у данного предиката.

Именно по этой причине, несмотря на независимость лицензирования Абсолютива от вышестоящих функциональных проекций, делаются попытки связать такое лицензирование и абсолютное маркирование с отдельной функциональной вершиной, которая может осуществлять свои функции как локально (проецируя и тета-маркируя соответствующий аргумент), так и на основе взаимодействия с ближайшей доступной именной группой в *s*-командуемой области (спроецированной и тета-маркированной другой вершиной), ср. (18)⁷. Отметим, однако, что такое решение идет вразрез с презумпцией ролевой гипотезы о связи тета-роли и падежного маркирования.

(18) а. переходный глагол

б. неэргатив

Итак, налицо существенные проблемы в анализе приписывания абсолютива как падежа, связанного с гиперролью Абсолютива. Источник этих проблем — невозможность структурной репрезентации гиперролей, базирующейся на Пациенте, как относительного понятия в рамках ролевой гипотезы. Следует также подчеркнуть, что именные группы с абсолютным маркированием встречаются и в других синтаксических контекстах. Во-первых, это субъект и предикат в предложениях с именным сказуемым (19a–b). Если именные группы в абсолютиве в таких предложениях относятся к разным классам, каждая из них способна выступать контролером согласования. Обычно согласование предика-

⁷ О возможных аналитических альтернативах, включающих объединение v_1 и v_2 (bundling) и отказ от единого источника абсолютного маркирования, см. [Polinsky 2016: 51–52].

та контролирует ближайшая именная группа слева (20a–b)⁸. Очевидно, что именной предикат в предложениях характеристики едва ли может рассматриваться как имеющий какую бы то ни было тета-роль, так что включение его в гиперроль Абсолютива вряд ли оправдано.

- (19) a. *ma eč-a gole dija ustar.*
ты(1)[ABS] I.AUX-INF COP.PRS я.GEN1 мастер(1)[ABS]
‘Ты будешь моим мастером’ (У стен есть уши, 21; цит. по [Каримова 2014: 175]).
- b. *bataxu gole q'imata-r hiban.*
хлеб(V)[ABS] COP.PRS ценный-IV вещь(IV)[ABS]
‘Хлеб это ценная вещь’ (Переселение, 24).
- (20) a. *šoloqan āše-m-λ'o-n hobondu-č jabu b-ejča da.*
молодой время-OBL-SUP-ADD такой-INTS кляча(III)[ABS] III-AUX.AOR я(1)[ABS]
‘В молодости такой же клячей был я’ (Эх, молодость, 11; цит. по [Каримова 2014: 184]).
- b. *šoloqan āše-m-λ'o-n da ejča hobondu-č jabu.*
молодой время-OBL-SUP-ADD я(1)[ABS] I.AUX.AOR такой-INTS кляча(III)[ABS]
‘В молодости я был такой же клячей’.

Во-вторых, не только глаголы, но и прилагательные способны проецировать свой собственный абсолютный аргумент, отличный от их именной вершины (21a–b). Обычно между этим аргументом и именной вершиной устанавливаются отношения части и целого (*девушка с черными волосами, туфли на высоком каблучке*). В таких конструкциях прилагательные согласуются своим префиксальным классно-числовым показателем и, факультативно, по множественности с этим абсолютивом, а не со своей вершиной, как в (22)⁹. Таким образом, контролирующий согласование абсолютив обнаруживается вне глагольной области, так что его падежное маркирование и способность контролировать согласование едва ли можно связать с какой-либо тета-ролью или структурной позицией внутри *vP*.

- (21) a. *k'ak'a-ba l-eχola-(t'a) kad*
нога-PL(NPL)[ABS] NPL-длинный-PL девочка(II)
‘девушка с длинными ногами’
- b. *mani b-uq'u kad*
нос(III)[ABS] III-большой девочка(II)
‘девушка с большим носом’
- (22) a. *j-eχola-(t'a) kad*
II-длинный-PL девочка(II)
‘высокая девушка’
- b. *b-eχola-(t'a) kand-eba*
NPL-длинный-PL девочка(II)-PL
‘высокие девушки’
- c. *j-uq'u kad*
II-большой девочка(II)
‘большая (взрослая) девочка’

Итак, очевидно, что использование абсолютивного кодирования для именной группы и ее способность выступать контролером классно-числового согласования задают суще-

⁸ Возможно, предложения в (20a–b) различаются не только в отношении порядка слов и согласования, но и в отношении типа биабсолютивного предложения (предикативное в (20b) и специфицирующее в (20a)). Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

⁹ Анализ согласования в (21) и (22) можно унифицировать, предположив, что в (22) прилагательное также проецирует абсолютивный аргумент, совпадающий с именной вершиной ([*kad j-eχola*] *kad*).

ственно более широкий круг контекстов, чем единственный аргумент одноместного глагола и пациенсоподобный аргумент более чем одноместного глагола. Включение в гиперроль Абсолютива всех тематических отношений, связанных с абсолютным маркированием, в конечном итоге приводит к тому, что таким понятием невозможно пользоваться: ему должна быть сопоставлена слишком «широкая и расплывчатая семантическая характеристика, под которую можно подвести слишком многое» [Тестелец 2021: 78].

Еще одной проблемной областью для ролевой гипотезы оказывается приименное генитивное кодирование именных групп. В хваршинском языке (как и во многих других нахско-дагестанских языках, обладающих генитивом) генитив используется для оформления разнообразных семантических отношений между вершиной и зависимым: отчуждаемого и неотчуждаемого Посессора при обладаемом (23a–b), реляционного существительного и его аргумента (23c), Целого и Части (23e), Агенса и Пациенса при переходных существительных (*picture nouns*) (23d), Измеряемого при мере (23f) и т. п.

- (23) a. *žene-s*   *kur*
джинн.OBL-GEN1   камень(V)
‘камень джинна’
- b. *sajro-s*   *lola*
лошадь.OBL-GEN1   нога(III)
‘нога лошади’
- c. *ziñt-s*   *bet'erhan*
корова.OBL-GEN1   хозяин(I)
‘хозяин коровы’
- d. *isa*   *ħabar*
этот(I).GEN1   рассказ(III)
a. ‘его рассказ’ (Агенс)
b. ‘рассказ о нем’ (Пациенс)
- e. *beł'e-s*   *riwa*
баран.OBL-GEN1   отара(IV)
‘отара овец’
- f. *ūc'a*   *kila*   *lal-o-s*
десять килограмм(IV)   масло-OBL-GEN1
‘десять килограммов масла’
- g. *jaq'ut-lo*   *ħ'er-mo-s*   *k'ant'a*
янтарь-GEN2   цвет-OBL-GEN1   палка(IV)
‘палка янтарного цвета’
- h. *kavat-e-s*   *bečola*
бумага-OBL-GEN1   змея(III)
‘бумажный змей’

Примеры показывают, что генитив оформляет как аргументные (например, при реляционных именах или «*picture nouns*»), так и адьюнктные отношения. Возникает вопрос, как соотносится разнообразие тематических отношений между именной вершиной и его генитивным зависимым с ролевой гипотезой.

С одной стороны, отношения между именной вершиной и его зависимым также поддаются определенным обобщениям (ср. протороли «Proto-Whole» и «Proto-Part» — Целого и Части — в [Barker, Dowty 1993]). Объяснение единообразного генитивного кодирования всех тематических отношений в рамках ролевой гипотезы должно, по-видимому, опираться на тезис о том, что в именной области все зависимые реализуют одну гиперроль (например, Целого), которая и кодируется при помощи генитива. Этот тезис плохо совместим с тем фактом, что некоторые конкретные тематические отношения, такие как Агенс, Пациенс, Место, возможны и в именной, и в глагольной проекции, однако их падежное кодирование ориентировано не на общность тета-ролей, а на категориаль-

ное различие контекстов (генитив в именном контексте vs. эргатив, абсолютив, локативные падежи в глагольном контексте).

С другой стороны, если рассматривать генитив не как средство выражения некоторого ролевого концепта, а скорее как кодирование структурного отношения между именной группой и ее хозяином, то генитив (приписываемый структурно и независимо от тета-роли) окажется противопоставлен другим грамматическим падежам (приписываемым в соответствии с тета-ролью). Такой подход возможен для языков типа цахурского, оформляющих приименные зависимые при помощи атрибутивной, а не падежной морфологии [Элементы 1999: 377–393]. В хваршинском же генитив является элементом косвеннопадежной части парадигмы, что подтверждается как дистрибуцией этого падежного показателя (он присоединяется только к косвенным основам субстантивов и субстантивируется при помощи атрибутивизатора), так и согласованием всех компонентов генитивной именной группы по косвенности [Лютикова 2021].

Предпринятое в этом разделе обсуждение показывает, что ролевая гипотеза сталкивается со сложностями при анализе падежей, ассоциированных с кодированием гиперролей, — абсолютива и генитива. Будучи немаркированными падежами глагольной и именной проекции соответственно, абсолютив и генитив могут считаться средствами кодирования некоторой гиперроли (Абсолютива, Целого) лишь при максимально широком ее понимании (любой единственный аргумент глагольного или адъективного предиката, любой аргумент или адъюнкт имени). В следующем разделе мы увидим, что тезис о ролевой природе абсолютива и генитива приходит в противоречие с еще одним постулатом ролевой гипотезы — невозможностью изменения кодирования аргумента без изменения его ролевой характеристики.

4.2. Подъем в ролевом языке

Изучение полипредикативных конструкций с актантными нефинитными зависимыми клаузами имеет давнюю историю в формальном синтаксисе (см. обзор истории вопроса в [Davies, Dubinsky 2004; Polinsky 2013]). Уже в работах 60–70-х гг. прошлого века [Rosenbaum 1967; Postal 1970; 1974] выявляется важное противопоставление двух типов конструкций с инфинитивными актантами — конфигураций подъема (24а) и контроля (24б).

- (24) а. *Ann seems to speak Chinese.*
 ‘Кажется, Энн говорит по-китайски’.
 б. *Ann wants to speak Chinese.*
 ‘Энн хочет говорить по-китайски’.

Конструкции в (24а–б) демонстрируют регулярные интерпретационные и трансформационные контрасты, которые свидетельствуют о различной деривационной истории подлежащего главной клаузы: в то время как при подъеме именная группа *Ann* ‘Энн’ порождается в аргументной позиции зависимой клаузы и передвигается в главную клаузу за падежом, оставляя в зависимой клаузе А-след, при контроле она является аргументом матричного предиката и контролирует особую пустую категорию — PRO — в позиции подлежащего зависимой клаузы:

- (25) а. подъем
 $Ann_i T [{}_{VP} seems [{}_{TP} t_i to_T [{}_{VP} t_i speak\ Chinese]]]$.
 б. контроль
 $Ann_i T [{}_{VP} t_i wants [{}_{CP} PRO_i to_T [{}_{VP} t_i speak\ Chinese]]]$.

Как видно из (25), общность конфигураций контроля и подъема состоит в том, что матричный предикат имеет ситуационную валентность, которая заполняется нефинитной

клаузой, и ее нефинитное подлежащее не может быть отлицензировано в собственной клаузе. Оно либо заменяется на нулевое PRO, которое не нуждается в лицензировании, либо вступает во взаимодействие с функциональной структурой матричной клаузы, вследствие чего получает падеж и передвигается в синтаксическую окрестность лицензирующей функциональной вершины. Дистрибуция нефинитных клауз с подлежащими двух типов определяется аргументной структурой и семантикой матричных предикатов: для контроля нужен предикат, способный устанавливать отношение контроля между своим термовым аргументом и PRO, а для подъема — предикат, у которого термовых аргументов меньше, чем количество функциональных вершин в финитной клаузе, способных к лицензированию аргумента. Например, у *seem* ‘казаться’ нет термового аргумента, на лицензирование которого «расходовалась» бы финитная предикативная вершина T, поэтому вакантный лицензор может быть использован для подлежащего инфинитивной клаузы.

На рубеже веков был предложен альтернативный анализ контроля — через A-перемещение в тета-позицию (Movement theory of control, MTC [Hornstein 1999; 2001; 2003; Boeckx, Hornstein 2003; 2004; Hornstein, Polinsky 2010]). Анализ контроля через перемещение позволил решить несколько проблем теории контроля: объяснить, почему PRO и A-след встречаются в одних и тех же позициях, вывести тематическую иерархию термовых контролеров PRO из структурной близости контролера к PRO и в конечном счете избавиться от обязательного контроля как отдельного концепта, заменив его на отношение идентичности между копиями передвигающейся именной группы. В рамках MTC анализ предложения (24b) выглядит следующим образом: именная группа *Ann* ‘Энн’ возникает как аргумент зависимой клаузы и получает в ней первую тета-роль (Агенса при *speak* ‘говорить’). В силу потребности в синтаксическом лицензировании она покидает зависимую клаузу и передвигается в аргументную позицию главной клаузы, где получает вторую тета-роль (Экспериенциера при *want* ‘хотеть’). Наконец, при взаимодействии с финитной вершиной T главной клаузы именная группа *Ann* ‘Энн’ лицензируется как ее подлежащее (26).

(26) *Ann*_i T [_{VP} *t*_i *wants* [_{TP} *t*_i *to* [_{VP} *t*_i *speak Chinese*]]].

Анализ контроля через перемещение имеет как сильные, так и слабые стороны и в настоящее время является конкурентом теории контроля пустой категории [Landau 2015]. Вне зависимости от анализа контроля он противопоставлен подъему в отношении того, с какой зоной в синтаксической структуре главной клаузы оказывается связан аргумент зависимой клаузы: при контроле это зона аргументной структуры (тета-позиции), при подъеме — зона синтаксических ролей (грамматических отношений). Иными словами, при контроле общий аргумент главной и зависимой клаузы получает в главной клаузе и тета-роль, и синтаксическую роль (например, подлежащего в (24b)), а при подъеме — синтаксическую роль (подлежащего в (24a)), но не тета-роль. Именно это отличие лежит в основе диагностик, противопоставляющих контроль и подъем в языках средневропейского стандарта (таблица 1).

Учитывая вышесказанное, естественно задаться вопросом, возможны ли контроль и подъем и сохраняются ли их противопоставление в ролевых языках. Действительно, стандартный анализ подъема и контроля предполагает, что их движущей силой в конечном итоге является лицензирование, связанное с получением синтаксической роли¹⁰.

¹⁰ Семантический контроль, безусловно, возможен и в отношении выраженной именной группы, например анафорического местоимения, см. [Stiebels 2007; Landau 2024]. Специфика нефинитных актантных клауз в языках средневропейского стандарта, однако, состоит в том, что они индуцируют контроль («control-inducing structure» по выражению Б. Штибельс) даже при предикатах, которые при присоединении финитной зависимой клаузы допускают отсутствие семантического контроля. Например, русский глагол *хотеть* имеет свойства предиката контроля только в конфигурации с инфинитивной клаузой и не демонстрирует семантического контроля в конфигурации с финитной зависимой клаузой с союзом *чтобы*.

Появление пустой категории (PRO при контроле, А-следа при подъеме) связано с невозможностью лицензирования выраженного подлежащего в нефинитной зависимой клаузе. Поскольку в ролевых языках лицензирование всех аргументов происходит непосредственно в тета-позиции, потребность в пустой категории исчезает. Таким образом, ни синтаксически индуцированный контроль, ни подъем в ролевых языках не могут быть мотивированы лицензированием аргументов.

Таблица 1

Диагностики контроля и подъема

	Подъем	Контроль
локальность	+	+
падеж в зависимой клаузе	–	–
падеж в главной клаузе	+	+
семантическая роль в зависимой клаузе	+	+
семантическая роль в главной клаузе	–	+
эксплетивы	+	–
сохранение значения субъектных идиом	+	–
реконструкция	+	–

Деривация оппозиции контроля и подъема также вызывает затруднения. Как уже отмечалось выше, для подъема необходима лицензирующая система главной клаузы или иной расположенной выше расширенной проекции, которая бы была отделена от приписывания тета-роли. Если же в ролевом языке лицензирование именных групп происходит в тета-позициях, то подъем оказывается неотличим от контроля в модели МТС (передвижение в тета-позицию главной клаузы).

Тем не менее, несмотря на предсказания ролевой гипотезы, в целом ряде языков этого типа обнаруживаются конструкции, сходные по своим свойствам с подъемом и контролем [Polinsky, Potsdam 2002; 2006; Haddad 2011; Potsdam, Polinsky 2012; Longenbaugh, Polinsky 2018; Lyutikova 2022; 2025]. Ниже мы снова обратимся к хваршинскому языку и покажем, что (i) в нем может быть идентифицирован подъем и (ii) подъем регулярным образом отличается от контроля.

В [Lyutikova 2025] выявляются следующие конфигурации подъема в хваршинском языке: подъем аргумента зависимой клаузы в позицию абсолютного дополнения при предикатах *-isa* ‘находить’, *q'uča* ‘хотеть, нуждаться’, *-ak^{na}* ‘видеть’ (27b–c) и подъем аргумента вложенного глагола в номинализациях в позицию генитивного зависимого (28b–c)¹¹.

- (27) а. *šamil-e-l* [tušman-i] *śaļ* *b-oļalna b-uļeχ-na*
 Шамиль-OBL-DAT враг-ERG село(III)[ABS] III-вокруг III-собирать-CVB.PFV
b-isa-na.
 III-находить-CVB.PFV
 ‘Шамиль обнаружил, что враг окружил село’.

¹¹ Применное генитивное кодирование аргумента номинализации не обязательно связано с передвижением именной группы из базовой позиции в именную оболочку номинализации. В примерах (28b–c) такое передвижение показано как одна из доступных опций.

- b. *šamil-e-l tušman_i isa-na*
Шамиль-OBL-DAT враг(I)[ABS] I.находить-CVB.PFV
[_i *ʒaʎ b-oʎalna b-uʎex-na*].
ERG село(III)[ABS] III-вокруг III-собирать-CVB.PFV
‘Шамиль обнаружил врага окружившим село’.
- c. *šamil-e-l ʒaʎ_i b-isa-na*
Шамиль-OBL-DAT село(III)[ABS] III-находить-CVB.PFV
[*tušman-i*   _i *b-oʎalna b-uʎex-na*].
враг-ERG ABS III-вокруг III-собирать-CVB.PFV
‘Шамиль обнаружил село окруженным врагом’.
- (28) a. *di-l l-ajka [rasul-i vaj b-u-nu]*.
я.OBL-DAT IV-видеть.AOR Расул-ERG дом(III)[ABS] III-делать-NML[ABS]
‘Я видел, что Расул строит дом’.
- b. *di-l l-ajka rasul-e-s_i [_i vaj b-u-nu]*.
я.OBL-DAT IV-видеть.AOR Расул-OBL-GEN1 ERG дом(III)[ABS] III-делать-NML[ABS]
‘Я видел Расулово строительство дома’.
- c. *di-l l-ajka vaj-e-s_i [rasul-i   _i b-u-nu]*.
я.OBL-DAT IV-видеть.AOR дом-OBL-GEN1 Расул-ERG ABS III-делать-NML[ABS]
‘Я видел строительство дома Расулом’.

Рассмотрим подробнее примеры в (27). В (27a) представлена стандартная полипредикативная конструкция с матричным предикатом *-isa* ‘находить’; аргументы зависимой клаузы не покидали ее пределов и демонстрируют падежное маркирование, ассоциированное с их тета-ролями при предикате зависимой клаузы. Предикат зависимой клаузы согласуется со своим абсолютивом. Матричный предикат демонстрирует дистантное («прозрачное») согласование с абсолютивом зависимой клаузы. В (27b) агентивный аргумент зависимой клаузы оказывается в главной клаузе; его передвижение сопровождается изменением падежного маркирования с эргатива на абсолютив, а предикат матричной клаузы теперь согласуется с этим аргументом, а не с абсолютивом зависимой клаузы. В (27c) аналогичный процесс происходит с пациентивным аргументом зависимой клаузы. Его падежное маркирование не меняется, поскольку в зависимой клаузе он также получал абсолютив. Согласование матричного предиката также не меняется, поскольку подъему подвергается именная группа, которая контролирует дистантное согласование в (27a).

Несмотря на отсутствие иных признаков подъема в (27c), кроме изменения линейной позиции именной группы, можно доказать, что подъем происходит. Во-первых, передвижение абсолютивной именной группы не может быть вызвано скрэмблингом (передвижением, не имеющим структурной грамматической мотивации), поскольку скрэмблинг ограничен пределами клауз. Во-вторых, абсолютивная именная группа в производной позиции выступает как аргумент главной клаузы в отношении различных структурных и семантических диагностик, таких как возможности связывания, установление сферы действия и др. (см. подробнее [Lyutikova 2025]).

Подъем в позицию абсолютивного дополнения и подъем в позицию генитивного зависимого при номинализации ведут себя единообразно в отношении целого ряда диагностик, характерных для подъема.

Во-первых, оба процесса факультативны. Факультативность подъема можно рассматривать как функциональный аналог эксплетивного подлежащего: поскольку поднятая именная группа не получает тета-роль в главной клаузе, отсутствие подъема не делает структуру неграмматичной.

Во-вторых, при подъеме аргумента идиомы идиоматическое значение сохраняется. Пример (29) демонстрирует сохранение идиоматического значения при подъеме в позицию абсолютивного дополнения, пример (30) — в позицию генитивного зависимого при номинализации.

- (29) a. *hamawe-za-lo b-oła-ł'o-l šajt'an k'oła-na.*
 друг-OBL.PL-GEN2 III-между-SUP-LAT шайтан(III)[ABS] прыгать-CVB.PFV
 'Друзья поссорились' (букв. «Между друзьями шайтан прыгнул»).
- b. *di-l šajt'an_i b-issa [hamawe-za-lo*
 я.OBL-DAT шайтан(III)[ABS] III-находить.AOR друг-OBL.PL-GEN2
b-oła-ł'o-l ___i k'oła-na].
 III-между-SUP-LAT ABS прыгать-CVB.PFV
 'Я обнаружил, что друзья поссорились'.
- (30) a. *ut't'e-j ĩsa j-iχ^wa-na!*
 красный-V снег(V)[ABS] V-выпадать-CVB.PFV
 'Произошло чудо!' (букв.: «Выпал красный снег»).
- b. *ini, ut't'e-j-la ĩsa-lo_i [___i j-iχ^wa-nu]-qo!*
 смотреть.HORT красный-V-OBL снег-GEN2 ABS V-выпадать-NML-POSS
 'Гляди, чудо происходит!'

В-третьих, поднятая именная группа реконструируется в базовой позиции в отношении правил связывания и установления сферы действия. В (31) показано, что при подъеме в главную клаузу агентивный аргумент зависимой клаузы продолжает связывать простой рефлексив, требующий локального с-командующего antecedента.

- (31) a. *aminat-e-l q'uča-na [pat'imat-i žu-č j-ũq'a-χ-a].*
 Аминат-OBL-DAT хотеть-CVB.PFV Патимат-ERG сам(II)[ABS]-INTS II-выздоровливать-CAUS-INF
 'Аминат_i хочет, чтобы Патимат_j себя_{j/*i} вылечила'.
- b. *aminat-e-l pat'imat_i q'uča-na [___i žu-č*
 Аминат-OBL-DAT Патимат(II)[ABS] хотеть-CVB.PFV ERG сам(II)[ABS]-INTS
j-ũq'a-χ-a].
 II-выздоровливать-CAUS-INF
 'Аминат_i хочет, чтобы Патимат_j себя_{j/*i} вылечила'.

Важным свидетельством реконструкции является доступность для поднятой именной группы сферы действия, соответствующей ее расположению в зависимой клаузе. Рассмотрим эту диагностику подробнее.

В хваршинском языке подъем квантора ограничен пределами клаузы. Соответственно, (32a) имеет две возможных интерпретации, с узкой и широкой сферой действия кванторной группы *каждой девочке* относительно кванторной группы *два мальчика*, однако в (32b), где кванторные группы находятся в разных клаузах, доступна только интерпретация, соответствующая поверхностной сфере действия кванторных групп.

- (32) a. *q^wa-na užá žibžib kand-e-l kumak b-u-na.*
 два-OBL мальчик.ERG каждый девочка-OBL-DAT помощь(III)[ABS] III-делать-CVB.PFV
 'Два мальчика помогли каждой девочке'.
 два > каждый; каждый > два
- b. *q^wa-na užá-l q'uča-na [de žibžib kand-e-l*
 два-OBL мальчик.OBL-DAT хотеть-CVB.PFV я.ERG каждый девочка-OBL-DAT
kumak b-uw-a].
 помощь(III)[ABS] III-делать-INF
 'Два мальчика хотели, чтобы я помог каждой девочке'.
 два > каждый; *каждый > два

При подъеме кванторной группы в главную клаузу она может реконструироваться в зависимой клаузе. В примере (33) доступна интерпретация с инвертированной сферой действия кванторных групп (каждый > два). Поскольку подъем квантора ограничен пределами клаузы, кванторная группа *каждой девочке* не может подняться в главную клаузу.

Следовательно, искомая интерпретация возникает в зависимой клаузе при реконструкции подвергшейся подъему кванторной группы *два мальчика*. Аналогичные рассуждения могут быть проведены для подъема кванторного аргумента в номинализации (34).

- (33) *di-l q'uni úža_i q'uča-na [ ] žibžib kand-e-l*
 я.OBL-DAT два мальчик(1)[ABS] хотеть-CV.V.PFV ERG каждый девочка-OBL-DAT
kumak b-uw-a.
 помощь(III)[ABS] III-делать-INF
 'Мне нужно, чтобы два мальчика помогли каждой девочке'.
 без реконструкции: два > каждый; реконструкция: каждый > два

- (34) *di-l l-i:q'e žibžib užá-s_i*
 я.OBL-DAT IV-знать.GNT каждый мальчик.OBL-GEN I
 [ ] *a<b>du hīše c'alida-tte-mu*.
 ERG этот<III> книга(III)[ABS] читать-NEG-NML
 'Я знаю, что каждый мальчик не прочитал эту книгу'.
 без реконструкции: каждый > NEG; реконструкция: NEG > каждый

Наконец, ограничения на подъем идентичны в обеих рассматриваемых конфигурациях. В [Lyutikova 2022; 2025] показано, что подниматься могут ядерные аргументы (абсолютный субъект и объект, эргативный и дативный субъект); не поднимаются неядерные аргументы и адьюнкты (например, посессивный субъект, дативный косвенный объект, дативный адьюнкт с ролью Инструмента). Анализ противопоставления ядерных и неядерных аргументов для хваршинского языка предлагается в [Lyutikova 2022; Chumakina, Lyutikova 2023]: ядерные аргументы представляют из себя DP, получающие падеж и тета-роль от одной вершины, в то время как неядерные аргументы и адьюнкты лицензируются как PP с нулевым P. Таким образом, ограничение на подъем прямо следует из запрета на извлечение из PP с нулевым P (см. раздел 3 выше). Важной особенностью подъема в хваршинском языке является отсутствие интервенции субъекта (например, агентивного или экспериментального внешнего аргумента) при подъеме абсолютного объекта (ср. (27с), (28с)).

Итак, в хваршинском языке нам удалось идентифицировать две конфигурации, проявляющие свойства подъема. Поскольку ролевая гипотеза предсказывает, что любое изменение маркирования аргумента влечет изменение его ролевой интерпретации, мы могли бы ожидать, что на самом деле в рассмотренных случаях происходит подъем в тета-позицию, то есть процесс, который призван моделировать контроль в рамках МТС. Однако в [Lyutikova 2025] показано, что конфигурации обязательного исчерпывающего контроля, также засвидетельствованные в хваршинском языке, демонстрируют свойства, отличные от свойств структур с подъемом¹². Свойства подъема и контроля в хваршинском языке суммированы в таблице 2.

Легко видеть, что несмотря на специфику ролевых языков (лицензирование и доступность падежа в зависимой клаузе), подъем и контроль в хваршинском языке демонстрируют многие свойства, характерные для соответствующих процессов в языках средневропейского стандарта. Важным отличием хваршинского подъема, которое можно связать с ролевым статусом языка, является отсутствие субъектно-объектной асимметрии в выборе подвергающегося подъему аргумента. По-видимому, возможность лицензирования любой аргументной именной группы в нефинитной клаузе уравнивает их как

¹² К конфигурациям контроля относятся, например, конструкции с предикатами субъектного (*-eq^{wa}* 'удаваться, смочь') и объектного (*-ešt'a* 'позволять, вынуждать') контроля, а также биабсолютивная конструкция, в которой можно усматривать контроль невыраженного аргумента лексического глагола со стороны аргумента вспомогательного/бытийного глагола. В целях экономии места примеры, демонстрирующие свойства контроля, в статье не приводятся; читатель может найти полную аргументацию в [Lyutikova 2025].

Таблица 2

Свойства подъема и контроля в хваршинском языке (по [Lyutikova 2025])

Свойства	Подъем	Контроль
локальность	+	+
падеж в главной клаузе	+	+
падеж в зависимой клаузе	+	+
тета-роль в главной клаузе	–	+
тета-роль в зависимой клаузе	+	+
интерпретация субъектных идиом	+	–
неодушевленные DP	+	–
реконструкция матричной DP	+	–
ограничения на аргумент зависимой клаузы	ядерные DP-аргументы:	DP-подлежащие:
	ABS субъект	ABS субъект
	ABS объект	ERG субъект
	ERG субъект	DAT субъект
	DAT субъект	
субъектно-объектная асимметрия	–	+

возможные мишени подъема, в то время как в языках с грамматическими отношениями выбор для подъема любой другой именной группы, кроме подлежащего, приведет к неграмматичности, так как подлежащее в нефинитной клаузе останется неотлицензированным. Можно предположить, что истинной мотивацией подъема является не лицензирование именных групп, а установление приоритетного коммуникативного статуса аргумента. Технически эту идею можно реализовать, постулировав смешанный ф-зонд матричной клаузы, который притягивает DP с признаком [+pivot], благодаря чему субъект не выступает интервентом при подъеме объекта. Таким образом, ролевая гипотеза верно предсказывает отсутствие субъектно-объектных асимметрий при подъеме.

Существенные затруднения, однако, вызывает синтаксическая интерпретация подъема в отсутствие таких падежных позиций, которые не являются одновременно тета-позициями. В этой связи следует отметить, что вследствие подъема приписываются исключительно абсолютив и генитив, то есть как раз те падежи, для которых (гипер)ролевая мотивация проблематична (см. раздел 4.1) и которые лучше всего описываются в структурных терминах как немаркированные падежи предикативной группы (клаузы, малой клаузы, группы прилагательного) и именной группы соответственно. Если приписывание немаркированного падежа происходит конфигурационно, благодаря попаданию именной группы в соответствующую падежную область (см. [Marantz 1991; Baker 2015; Лютикова 2017]), то поднятая именная группа может получить его и в неаргументной (адьюнктной) позиции¹³. В таком случае подъем, как и ожидается, не приведет к изменению тета-роли, и оппозиция подъема и контроля сохранит структурную репрезентацию.

¹³ Отметим, что и для языков среднеевропейского стандарта предлагается анализ с адьюнкцией к vP при подъеме в позицию прямого дополнения (subject-to-object raising) и при сдвиге объекта (object shift).

5. Заключение

В этой статье мы обсудили объяснительный потенциал ролевой гипотезы применительно к анализу синтаксиса хваршинского языка, одного из морфологически эргативных языков Дагестана. Представив основные положения ролевой гипотезы в модели современного генеративного синтаксиса и используя его формальный аппарат для вывода следствий, мы обнаружили ее сильные и слабые стороны.

Несомненным успехом ролевой гипотезы является предсказание невозможности повлиять на лицензирование аргументной структуры глагола через изменение значений предикативных категорий клаузы, в частности, ее финитности. Устойчивость аргументной структуры глагола к любым, даже самым радикальным, сокращениям функциональной структуры клаузы характерна не только для хваршинского, но и для многих других нахско-дагестанских языков. Редкие случаи проецирования нелицензируемых аргументов (см., например, [Polinsky 2016: 307–312] о цезских номинализациях с суффиксом абстрактных существительных *-li*) могут рассматриваться как номинализация неглагольного корня в духе подхода А. Алексиаду [Alexiadou 2001]. Явное воздействие на аргументную структуру способны оказывать деривационные показатели (например, каузатива, потенциалиса, антипассива) и легкие глаголы в сложных предикатах, что не противоречит ролевой гипотезе, поскольку эти элементы как раз и соответствуют функциональным вершинам, вводящим и тета-маркирующим аргументы.

Ролевые языки действительно сопротивляются расщеплению валентностей. Пожалуй, единственный регулярно встречающийся процесс такого рода — расщепление генитивной именной группы в предикативной посессивной конструкции, когда обладаемое и обладатель могут быть линейно отделены друг от друга, как в хваршинском примере (35). Следует подчеркнуть, что экстрапозиция посессора при этом никак не сказывается на его маркировании и не может рассматриваться как появление вторичного синтаксического актанта.

(35) *dibir-e-s*   *b-eča-na*   *raht'atel-ba...*

мулла-OBL-GEN1 HPL-AUX-CVB.PFV батрак-PL

‘У муллы были батраки...’ (Мулла и знахарь, 4; цит. по [Каримова 2014: 160]).

Управление глагола в ролевых языках неслучайным образом соответствует ролевому классу глагола. Я. Г. Тестелец [2021: 77] указывает, что вопреки предсказаниям ролевой гипотезы установить падежное маркирование аргументов исходя из ролевого класса глагола в общем случае невозможно. Не оспаривая этот тезис, хотелось бы отметить, что по меньшей мере часть случаев «неправильного» соответствия между тета-ролями и падежным маркированием может объясняться полисемией глагола. Например, хваршинский глагол *quwa* ‘уважать’ имеет нехарактерную для экспериенциальных предикатов падежную рамку <кто: ERG, кого/что: ABS>, однако это несоответствие может быть объяснено тем, что первое значение этого глагола — ‘считать’ (=вычислять количество). Аналогичным образом композиционно интерпретируемые аргументы идиоматических выражений сохраняют маркирование, соответствующее структуре идиом, а не их тета-роли при идиоматической интерпретации конструкции. Например, хваршинская идиома *seti tak'a* со значением ‘рассердиться’ имеет структуру «желчь X-а пошла»; X интерпретируется как Экспериенц, но кодируется не дативом, а генитивом. Есть и примеры того, как семантика производного глагола или идиомы вызывает изменения в стандартном управлении в сторону падежного маркирования, гармонирующего с семантической ролью. Например, хваршинский глагол *lok^{nv}a-l* (инхоквар. *лок'ола*) ‘думать, казаться’ является результатом регулярной вербализации существительного *lok^{nv}a* ‘сердце’, предполагающей стандартную структуру одноместного глагола. Однако при производном глаголе экспериенциальный участник выражается дативом, как и при других экспериенциальных глаголах (36).

- (36) *isu-l*   *lok^w-a-l-na*   *qublar-za-s*   *žik^wa*
 он(1).OBL-DAT сердце-OBL-VBLZ-CVB.PFV нечистый-PL.OBL-GEN1 человек(1)[ABS]
i:sa-žlan   *idu begawul.*
 I.находить<GNT>-QUOT этот старшина(1)[ABS]
 ‘Он подумал, что старшина из нечистых’ (У стен есть уши, 17; цит. по [Каримова 2014: 175]).

Наличие в нахско-дагестанских языках глагольных конверсивных пар — еще одна характеристика словаря, вызывающая, по мнению Я. Г. Тестельца [2021: 78], сложности с интерпретацией в рамках ролевой гипотезы. Действительно, для нахско-дагестанских языков характерны отдельно лексифицированные значения типа ‘продавать’ vs. ‘покупать’, ‘проигрывать’ vs. ‘выигрывать’ и т. п. Исходя из предположения, что конверсивные пары описывают одну и ту же ситуацию (купли-продажи, состязания), можно предположить, что тематические роли участников одинаковы, а значит, их кодирование предопределено самой ситуацией и не может различаться у разных глаголов, входящих в конверсивную пару. В таком случае и существование разных лексификаций теряет смысл.

Оценивая этот аргумент, следует иметь в виду два соображения. Во-первых, конверсивные пары обычно не симметричны в отношении набора аргументов и/или их агентивности. Например, ситуацию состязания в хваршинском языке описывают следующие непроизводные глаголы: *-ib^wa* ‘терпеть поражение, проигрывать’ (кто: ABS, кому: POSS/SUB), *-iž* ‘выигрывать, побеждать’ (кто: ABS, у кого: SUP) и *-aqa* ‘получать, выигрывать’ (кто: ERG, что: ABS). Очевидно, что первые два глагола описывают изменение состояния участников состязания — приобретение статусов побежденного и победителя соответственно, а второй участник кодируется семантически мотивированным пространственным падежом («под победителем» и «над побежденным»). Возможна каузативизация обоих глаголов, дающая различные результаты. При каузативизации *-ib^wa* ‘терпеть поражение, проигрывать’ получаем агентивное *-ib^wa-k* ‘побеждать’ (победитель: ERG, побежденный: ABS); при каузативизации *-iž* ‘выигрывать, побеждать’ (кто: ABS, у кого: SUP) возникает значение внешней каузации: *-iž-ek* ‘сделать победителем, помочь победить’ (каузатор: ERG, победитель: ABS, побежденный: SUP). Третий глагол, *-aqa* ‘получать, выигрывать’, относится к другому семантическому классу — приобретения и имеет соответствующую ему ролевую кодировку аргументов. Таким образом, ситуация исхода состязания по-разному концептуализируется разными глаголами, и в этих концептуализациях победитель и побежденный могут иметь разные тета-роли: Агенса, Пациенса, периферийного участника.

Во-вторых, существование конверсивов позволяет говорящему выбирать перспективу подачи ситуации, что особенно важно как раз в ролевых языках, где недоступно такое средство переключения перспективы как залог. Следует отметить, что и в языках с синтаксическими ролями не все виды перспективы могут быть достигнуты изменением диатезы (например, в ситуациях с прямым дополнением с ролью Пациенса и двумя контрагентами с разными функциями), и конверсивные глагольные пары являются единственным способом представить, например, ситуацию купли-продажи в перспективе продавца или покупателя. Таким образом, наличие конверсивов скорее ожидается для ролевых языков.

Существенные сложности для ролевой гипотезы представляет анализ гиперролей, соответствующих абсолютному и генитивному кодированию. Гиперроль Абсолютива не может быть определена в абсолютных терминах (в отличие, например, от макророли Актора или Претерпевающего), а относительное определение не имеет ясной структурной интерпретации в терминах локуса зонда и направления зондирования. Появление абсолютива вне глагольной области делает его ролевую интерпретацию еще более сомнительной. Сходные проблемы возникают при анализе генитива, который может использоваться для выражения не только актантных, но и сирконстантных отношений между именной вершиной и именным зависимым.

Наконец, критические осложнения возникают при попытке проинтерпретировать в рамках ролевой гипотезы подъем аргумента в конструкциях с клаузальным актантом и в номинализациях. Несмотря на то, что ролевая гипотеза верно предсказывает отсутствие субъектно-объектной асимметрии при подъеме, она сталкивается с проблемой при идентификации структурной позиции, в которую происходит подъем. Если абсолютивное или генитивное маркирование поднятого аргумента осуществляется по общим правилам отображения тета-ролей в синтаксическое кодирование, то следует признать, что поднятый аргумент получает дополнительную тета-роль при подъеме. В таком случае подъем должен быть неотличим от контроля, что по меньшей мере для хваршинского языка неверно.

Ролевая гипотеза может быть частично спасена, если предположить, что абсолютивное и генитивное кодирование осуществляются не на основе ролевых характеристик аргумента, а в качестве реализации немаркированного падежа соответствующей проекции. В [Lyutikova 2022] предлагается анализ абсолютивных именных групп как неуправляемых, то есть не имеющих конкретной лексической или функциональной вершины в качестве источника падежа; этот анализ может быть распространен и на генитивные именные группы. Гипотеза о конфигурационном приписывании абсолютива и генитива позволяет не только предложить структурную интерпретацию подъема, но и объяснить, почему подъем, в отличие от контроля, ограничен целевыми позициями абсолютива и генитива. При этом, однако, ролевая модель сильно теряет в общности; кроме того, по-прежнему есть проблемы с идентификацией конфигурационно маркируемой именной группы: Пациенс всегда получает конфигурационное кодирование, а Агенс — только при отсутствии Пациенса.

Подводя итоги обсуждения, хотелось бы подчеркнуть, что многие удачные компоненты ролевой гипотезы имплицитно присутствуют в современных генеративных работах, посвященных дагестанским языкам. Факты, не укладывающиеся в ролевую гипотезу (например, возможность подъема), в сочетании с лицензированием аргументов внутри глагольной области вызывают затруднения и у стандартной реляционной модели. В этой связи кажется, что вывод Я. Г. Тестельца [2021: 79]: «Для решения проблемы грамматических асимметрий и приоритетов в языках северного Кавказа эта идея в первоначальном виде не очень перспективна», — излишне пессимистичен. Как и любая модель, ролевая гипотеза способна развиваться под давлением эмпирических данных. Задача современных исследователей состоит в том, чтобы имплементировать ее сильные стороны в более успешную теорию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1–3 — 1–3 лицо
 I–V — I–V согласовательный класс
 ABL — аблатив
 ABS — абсолютив
 ADD — аддитив
 AOR — аорист
 AUX — вспомогательный глагол
 CAUS — каузатив
 CONT — локализация ‘cont’
 COP — связка
 CVB — конверб
 DAT — датив
 DFT — дефолтная форма
 ERG — эргатив
 EXPL — эксплетив

F — женский род
 GEN1 — генитив
 GEN2 — косвенный генитив
 GNT — общее время
 HORT — гортатив
 HPL — личный множественный согласовательный класс
 IN — локализация ‘in’
 INF — инфинитив
 INTS — интенсификатор
 IPFV — имперфектив
 LAT — латив
 NEG — отрицание
 NML — номинализация
 NOM — номинатив

NPL — неличный множественный класс
 OBL — косвенная основа
 PFV — перфектив
 PL — множественное число
 POSS — локализация 'poss'
 POT — потенциалис
 PP — пассивное причастие

PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PTCP — причастие
 QUOT — квататив
 SG — единственное число
 SUP — локализация 'super'
 VBLZ — вербализатор

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Каримова 2014 — Каримова Р. Ш. *Хваршинский фольклор*. Лейпциг; Махачкала: Алеф, 2014. [Karimova R. Sh. *Khvarshinskii fol'klor* [Khwarshi folklore]. Leipzig; Makhachkala: Alef, 2014.]
- Кибрик 1979а — Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка. *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*, 1979, 38(4): 309–317. [Kibrik A. E. Subject and the problem of the universal model of language. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1979, 38(4): 309–317.]
- Кибрик 1979б — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 0. Теоретическое введение. 1. Арчинский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 126. М.: Институт русского языка АН СССР, 1979. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 0. A theoretical introduction. 1. Archi. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 126. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1979.]
- Кибрик 1979в — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 127. М.: Институт русского языка АН СССР, 1979. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 2. Lak. 3. Chirag. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 127. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1979.]
- Кибрик 1979г — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 128. М.: Институт русского языка АН СССР, 1979. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 4. Tabasaran. 5. Aghul. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 128. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1979.]
- Кибрик 1980а — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 6. Цахурский язык. 7. Рутульский язык. 8. Лезгинский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 129. М.: Институт русского языка АН СССР, 1980. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 6. Tsakhur. 7. Rutul. 8. Lezgian. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 129. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1980.]
- Кибрик 1980б — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 130. М.: Институт русского языка АН СССР, 1980. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khwarshi. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 130. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1980.]
- Кибрик 1980с — Кибрик А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках. *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*, 1980, 39(4): 324–335. [Kibrik A. E. Predicate-argument relationships in the semantically ergative languages. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1980, 39(4): 324–335.]
- Кибрик 1981а — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 13. Бежтинский язык. 14. Гунзибский язык. 15. Цезский язык. 16. Гинухский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 140. М., 1981. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 13. Bezhta. 14. Hunzib. 15. Tsez. 16. Hinuq. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 140. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1981.]
- Кибрик 1981б — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 17. Хиналугский язык. 18. Будухский язык. 19. Крызский язык. 20. Аварский язык. *Предварительные публикации ИРЯ АН СССР*. Вып. 141. М.: Институт русского языка АН СССР, 1981. [Kibrik A. E. Data towards a typology of ergativity. 17. Khinalug. 18. Budukh. 19. Kryts. 20. Avar. *Predvaritel'nye publikatsii IRYa RAN SSSR*. Iss. 141. Moscow: Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1981.]

- Кибрик 1983 — Кибрик А. Е. Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках. *Категории глагола и структура предложения*. Храковский В. С. (отв. ред.). Л.: Наука, 1983, 101–117. [Kibrik A. E. Predicative argument constructions in Daghestanian (ergative) languages. *Kategorii glagola i struktura predlozheniya*. Xrakovskij V. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 101–117.]
- Кибрик 2000 — Кибрик А. Е. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства арчинского языка: *Вопросы языкознания*, 2000, 5: 32–67. [Kibrik A. E. On the problem of nuclear actants and “non-canonical marking”: The testimony of the Archi language. *Voprosy Jazykoznanija*, 2000, 5: 32–67.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алтейя, 2003. [Kibrik A. E. *Konstanty i peremennyeazyka* [Constants and variables of the language]. St. Petersburg: Aletheia, 2003.]
- Козинский 1979 — Козинский И. Ш. *Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1979. [Kozinskii I. Sh. *Nekotorye grammaticheskie universalii v podsystemakh vyrazheniya sub"ektno-ob"ektnykh otnošenii* [Some grammatical universals in the subsystems of expression of subject-object relations]. Candidate diss. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1979.]
- Лютюкова 2015 — Лютюкова Е. А. Конфигурационный падеж в параметрической модели. *Вопросы языкознания*, 2017, 5: 92–122. [Lyutikova E. A. Configurational case in a parametric model. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, 5: 92–122.]
- Лютюкова 2021 — Лютюкова Е. А. Согласование по косвенности в дагестанских языках: эскиз синтаксической модели. *Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова*. Майсак Т. А., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Буки-Веди, 2021, 187–213. [Lyutikova E. A. Obliqueness agreement in Daghestanian languages: A sketch of a syntactic model. *Durqasi hazna. Coll. of papers on the 60th anniversary of Rasul O. Mutalov*. Maisak T. A., Sumbatova N. R., Testelets Ya. G. (eds.). Moscow: Buki-Vedi, 2021, 187–213.]
- Опыт 1977 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П., Самедов С. Д. *Опыт структурного описания арчинского языка*. В 3-х т. М.: Изд-во МГУ, 1977. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyanikova I. P., Samedov S. D. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [A study in structural description of Archi]. In 3 vols. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1977.]
- Рахилина, Тестелец 2016 — Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка. *Вопросы языкознания*, 2016, 2: 7–21. [Rakhilina E. V., Testelets Ya. G. Charles Fillmore's legacy and modern theoretical linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 2: 7–21.]
- Тестелец 2019 — Тестелец Я. Г. Язык для книги рекордов Гиннесса: пятнадцать (или больше?) рефлексивных местоимений в хваршинском языке. *Rhema. Рема*, 2019, 2: 77–99. [Testelets Ya. G. A language for Guinness World Records: Fifteen (or more?) reflexive pronouns in Khwarshi. *Rhema*, 2019, 2: 77–99.]
- Тестелец 2021 — Тестелец Я. Г. Роль языки северного Кавказа: идея А. Е. Кибрика через 40 лет. *Rhema. Рема*, 2021, 2: 65–83. [Testelets Ya. G. The role languages of the North Caucasus: A. E. Kibrik's idea after 40 years. *Rhema*, 2021, 2: 65–83.]
- Элементы 1999 — Кибрик А. Е. (ред.-сост.), Тестелец Я. Г. (сореда.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 1999. [Kibrik A. E., Testelets Ya. G. (eds.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur in a typological light]. Moscow: Nasledie, 1999.]
- Aldridge 2008 — Aldridge E. Generative approaches to ergativity. *Language and Linguistics Compass*, 2008, 2(5): 966–995.
- Alexiadou 2001 — Alexiadou A. *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Anderson 1976 — Anderson S. R. On the notion of subject in ergative languages. *Subject and topic*. Li Ch. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 1–23.
- Baker 1997 — Baker M. Thematic roles and syntactic structure. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997, 72–137.
- Baker 2015 — Baker M. *Case: Its principles and parameters*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Barker, Dowty 1993 — Barker Ch., Dowty D. Non-verbal thematic proto-roles. *Proceedings of NELS 23*. Schafer A. (ed.). Amherst: GSLA, 1993, 49–62.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. D. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi-theory: Phi features across interfaces and modules*. Harbour D., Adger D., Béjar S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008, 295–328.

- Boeckx, Hornstein 2003 — Boeckx C., Hornstein N. Reply to “Control is not movement”. *Linguistic Inquiry*, 2003, 34(2): 269–280.
- Boeckx, Hornstein 2004 — Boeckx C., Hornstein N. Movement under control. *Linguistic Inquiry*, 2004, 35(3): 431–452.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2000, 89–155.
- Chumakina, Lyutikova 2023 — Chumakina M., Lyutikova E. External agreement in Khwarshi. *Agreement beyond the verb: Unusual targets, unexpected domains*. Chumakina M., Bond O., Kaye S. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2023, 198–242.
- Comrie 1982 — Comrie B. Grammatical relations in Huichol. *Studies in transitivity*. Hopper P., Thompson S. (eds.). New York: Academic Press, 1982, 95–115.
- Davies, Dubinsky 2004 — Davies W. D., Dubinsky S. *The grammar of raising and control: A course in syntactic argumentation*. Malden (MA): Blackwell, 2004.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*, 1979, 55: 59–138.
- Dixon 1994 — Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Fillmore 1968 — Fillmore Ch. J. The case for case. *Universals in linguistic theory*. Bach E., Harms R. T. (eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968, 1–88.
- Fillmore 1970 — Fillmore Ch. J. The grammar of hitting and breaking. *Readings in English transformational grammar*. Jacobs R. A., Rosenbaum P. S. (eds.). Waltham (MA): Ginn and Company, 1970, 120–133.
- Fillmore 1977 — Fillmore Ch. J. The case for case reopened. *Syntax and Semantics*. Vol. 8: *Grammatical relations*. Cole P., Sadock J. M. (eds.). New York: Academic Press, 1977, 59–81.
- Foley, Van Valin 1977 — Foley W., Van Valin R. D., Jr. On the viability of the notion of ‘subject’ in universal grammar. *Proceedings of the annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Vol. 3. Whistler K., Van Valin R. D. Jr., Chiarello Ch., Jaeger J., Petruck M., Thompson H., Javkin R., Woodbury A. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 1977, 293–320.
- Haddad 2011 — Haddad Y. Raising in Standard Arabic: Forward, backward, and none. *Arabic language and linguistics*. Bassiouney R., Graham Katz E. (eds.). Washington, DC: Georgetown Univ. Press, 2011, 61–78.
- Harley 2013 — Harley H. External arguments and the Mirror Principle: On the distinctness of Voice and v. *Lingua*, 2013, 125: 34–57.
- Hornstein 1999 — Hornstein N. Movement and control. *Linguistic Inquiry*, 1999, 30(1): 69–96.
- Hornstein 2001 — Hornstein N. *Move! A minimalist theory of construal*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Hornstein 2003 — Hornstein N. On control. *Minimalist syntax*. Hendrick R. (ed.). Oxford: Blackwell, 2003, 6–81.
- Hornstein, Polinsky 2010 — Hornstein N., Polinsky M. Control as movement: Across languages and constructions. *Movement theory of control*. Hornstein N., Polinsky M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010, 1–42.
- Keenan 1976 — Keenan E. L. Toward a universal definition of “subject”. *Subject and topic*. Li Ch. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 303–333.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT, 2009.
- Kibrik 1997 — Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*, 1997, 1(3): 1–68.
- Lakoff 1971 — Lakoff G. On generative semantics. *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Steinberg D. D., Jakobovits L. A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1971, 232–296.
- Lakoff 1976 — Lakoff G. Toward generative semantics. *Syntax and semantics*. Vol. 7: *Notes from the linguistic underground*. McCawley J. D. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 43–61.
- Landau 2015 — Landau I. *A two-tiered theory of control*. Cambridge (MA): MIT Press, 2015.
- Landau 2024 — Landau I. Noncanonical obligatory control. *Language and Linguistics Compass*, 2024, 18(3), e12515. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12515>.
- Legate 2008 — Legate J. Morphological and abstract case. *Linguistic Inquiry*, 2008, 39(1): 55–101.
- Li, Thompson 1976 — Li Ch. N., Thompson S. A. Subject and topic: A new typology of language. *Subject and topic*. Li Ch. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976, 457–489.
- Longenbaugh, Polinsky 2018 — Longenbaugh N., Polinsky M. Equidistance returns. *The Linguistic Review*, 2018, 35(3): 413–461.

- Lyutikova 2022 — Lyutikova E. A. The structural representation of ergativity in Northeast Caucasian. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 75–108.
- Lyutikova 2025 — Lyutikova E. Raising, control and case. *Syntax in uncharted territories. Essays in honor of Maria Polinsky*. Clemens L., Gribanova V., Scontras G. (eds.). Berkeley: Univ. of California, 2025, 409–431.
- Manning 1996 — Manning Ch. *Ergativity: Argument structure and grammatical relations*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1996.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. *Eastern states conference on linguistics*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 1991, 234–253.
- Markman, Grashchenkov 2012 — Markman V. G., Grashchenkov P. On the adpositional nature of ergative subjects. *Lingua*, 2012, 122(3): 257–266.
- McCawley (ed.) 1976 — McCawley J. D. (ed.). *Syntax and semantics*. Vol. 7: *Notes from the linguistic underground*. New York: Academic Press, 1976.
- McCawley 1973 — McCawley J. D. *Grammar and meaning: Papers on syntactic and semantic topics*. New York: Academic Press, 1973.
- Pesetsky, Torrego 2011 — Pesetsky D., Torrego E. Case. *The Oxford handbook of linguistic minimalism*. Boeckx C. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 52–72.
- Polinsky 2013 — Polinsky M. Raising and control. *The Cambridge handbook of generative syntax*. den Dikken M. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013, 41–63.
- Polinsky 2016 — Polinsky M. *Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2016.
- Polinsky, Potsdam 2002 — Polinsky M., Potsdam E. Backward control. *Linguistic Inquiry*, 2002, 33(2): 245–282.
- Polinsky, Potsdam 2006 — Polinsky M., Potsdam E. Expanding the scope of control and raising. *Syntax*, 2006, 9(2): 171–192.
- Postal 1970 — Postal P. M. On coreferential complement subject deletion. *Linguistic Inquiry*, 1970, 1(4): 439–500.
- Postal 1972 — Postal P. M. The best theory. *Goals of linguistic theory*. Peters S. (ed.). Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1972, 131–170.
- Postal 1974 — Postal P. M. *On raising*. Cambridge (MA): MIT Press, 1974.
- Potsdam, Polinsky 2012 — Potsdam E., Polinsky M. Backward raising. *Syntax*, 2012, 15: 75–108.
- Rosenbaum 1967 — Rosenbaum P. S. *The grammar of English predicated complement constructions*. Cambridge (MA): MIT Press, 1967.
- Schachter 1976 — Schachter P. The subject in Philippine languages: Topic, actor, actor-topic, or none of the above. *Subject and topic*. Li Ch. N. (ed.). New York: Academic Press, 1976: 491–518.
- Sigurðsson 1996 — Sigurðsson H. A. *Icelandic finite verb agreement*. Lund: Lund Univ., 1996.
- Stiebels 2007 — Stiebels B. Towards a typology of complement control. *Studies in complement control. ZAS Papers in Linguistics*, 2007, 47: 1–59.
- Testelets 2022 — Testelets Ya. G. Deficient agent and its derivation in Khwarshi. *Talk at the conference “Typology of morphosyntactic parameters 2022”, October 12–14, Moscow*. <https://drive.google.com/file/d/14wT2wrJxICmzO6TTWW3-IGSdr4Py9JMf/view>.
- Testelets, Khalilova (to appear) — Testelets Ya., Khalilova Z. Khwarshi. *The Caucasian languages. An international handbook*. Berlin: De Gruyter Mouton. To appear.
- Van Valin 1977 — Van Valin R. D., Jr. Ergativity and the universality of subjects. *Chicago Linguistic Society Papers*, 1977, 13: 689–705.
- Van Valin 1981 — Van Valin R. D., Jr. Grammatical relations in ergative languages. *Studies in Language*, 1981, 5(3): 361–394.
- Van Valin 1993a — Van Valin R. D., Jr. A synopsis of role and reference grammar. *Advances in role and reference grammar*. Van Valin R. D., Jr. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1993, 1–166.
- Van Valin 1993b — Van Valin R. D., Jr. Role and reference grammar. *Work papers of the Summer Institute of Linguistics, University of North Dakota Session*, 1993, 37, 5. <https://commons.und.edu/sil-work-papers/vol37/iss1/5/>.
- Van Valin, Foley 1980 — Van Valin R. D., Jr., Foley W. Role and reference grammar. *Syntax and Semantics*. Vol. 13: *Current approaches to syntax*. Moravcsik E., Wirth J. R. (ed.). New York: Academic Press, 1980, 329–352.
- Van Valin, Foley 1984 — Van Valin R. D., Jr., Foley W. A. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.

-
- Woolford 2006 — Woolford E. Lexical case, inherent case, and argument structure. *Linguistic Inquiry*, 2006, 37: 111–130.
- Wurmbrand, Shimamura 2017 — Wurmbrand S., Shimamura K. The features of the voice domain: actives, passives, and restructuring. *The verbal domain*. D'Alessandro R., Franco I., Gallego Á. J. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, 179–204.
- Zaenen et al. 1985 — Zaenen A., Maling J., Thráinsson H. Case and grammatical functions: The Icelandic passive. *Natural Language and Linguistic Theory*, 1985, 3: 441–483.

Получено/received 30.01.2025

Принято/accepted 25.03.2025